ЗАКЛАДНИЧЕСТВО-ПАТРОНАТЪ.

Н. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
711
30

Закладничество-патронатъ.

I. Закладчики XVI—XVII в.

1. Различные вопросы древняго русскаго права очень неравномѣрно привлекаютъ вниманіе изслѣдователей. Въ то время, какъ нѣсколько строкъ „Русской Правды“ о закупахъ или огнищанахъ вызываютъ множество разнообразныхъ толкованій, многочисленныя свидѣтельства источниковъ о закладняхъ, закладчикахъ, захребетникахъ, дворникахъ оставляются историками почти безъ всякаго вниманія. Закладничеству, этому характерному явленію, игравшему важную роль въ древне-русской жизни, особенно „не посчастливилось въ нашей литературѣ“, какъ замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ. Господствующій взглядъ на этотъ институтъ оказывается совершенно необоснованнымъ. Рѣзко противоположное мнѣніе Соловьева не вызвало полезной для разъясненія вопросовъ полемики и упорно игнорируется изслѣдователями.

Съ 20-хъ годовъ до нашихъ дней почти всѣ авторитетные историки утверждаютъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, что закладничество есть денежная сдѣлка, личный закладъ, обезпеченіе долга личной свободой должника. Первенство въ выраженіи этого взгляда на закладничество принадлежитъ Карамзину. Соглашеніе о закладняхъ одного изъ договоровъ Новгорода съ тверскимъ княземъ онъ перевелъ такъ: „княгиня, бояре и дворяне твои (князь) не должны брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцовъ, ни землевладѣльцевъ“ [1]). Точно также понялъ статью договорныхъ грамотъ о недержаніи закладней проф. Рейцъ (1828): „князья,—говоритъ онъ,—въ договорахъ между собою и съ Новгородомъ часто взаимно установляли не держать городскихъ жителей по закладнымъ контрактамъ“; закладни, утверждаетъ далѣе Рейцъ, это люди, которые „при займахъ давали въ залогъ свою свободу“ [2]).

[1]) Истор. Госуд. Россійскаго, т. IV, гл. 3 (1264).

[2]) Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. законовъ. §§ 35 и 53, стр. 137 и 194. — Тоже въ Словарѣ церк.-слав. и рус. яз. И. Ак. Н., 1847: «закладень тотъ, кто закладывалъ себя по кабалѣ».

Съ такимъ опредѣленіемъ интересующаго насъ института совершенно согласны и историки права 50-хъ годовъ: Неволинъ, Мейеръ и Чичеринъ. Проф. Неволинъ первый отожествилъ закладниковъ съ закупами и кабальными холопами. Говоря о „займѣ, обезпеченномъ личною свободою должника", онъ утверждаетъ, что „въ „Русской Правдѣ" заемщики этого рода называются закупами, словомъ, обозначавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ; позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней" [1]). Еще тѣснѣе сближаетъ указанные три института проф. Чичеринъ: по его мнѣнію, исчезнувшее съ теченіемъ времени слово закупъ замѣняется названіемъ „закладня", которое, „въ свою очередь, превращается въ названіе кабальнаго холопа" [2]). На тожество закладней съ закупами (заложившимися людьми), одновременно съ Чичеринымъ, указалъ проф. Мейеръ въ спеціальномъ трактатѣ о древнерусскомъ правѣ залога [3]), позднѣе—г. Побѣдоносцевъ [4]); въ послѣднее время ту же мысль развилъ проф. Ключевскій [5]), по мнѣнію котораго закладничество такъ же, какъ закупничество, есть „временная и условная зависимость, основанная на долговомъ обязательствѣ" [6]).

Всѣ только-что упомянутые изслѣдователи, за исключеніемъ Мейера, опредѣляя закладничество какъ личный залогъ, имѣютъ въ виду только закладней или закладниковъ удѣльнаго времени. Неволинъ прямо утверждаетъ, что „въ московскій періодъ заемъ, съ обезпеченіемъ его личною свободою должника, сохранялся только въ видѣ вступленія въ услуженіе на правилахъ кабальнаго холопства". Отъ закладней, закладывавшихъ свою свободу, онъ отличаетъ позднѣйшихъ „закладчиковъ", въ которыхъ видитъ людей, закладывавшихъ недвижимости [7]). Разница

---

[1]) Ист. росс. гражд. законовъ, т. III, изд. 1851, § 445, с. 149, 150.

[2]) Опыты по ист. русскаго права, 1858, с. 154.

[3]) Юридическій Сборникъ, 1855, с. 226. Одновременно съ Мейеромъ, въ 1855 г., ту же мысль высказалъ Ѳ. Устряловъ, Изслѣд. Псковской судной грамоты, с. 50—51.

[4]) Въ закупничествѣ, закладничествѣ и кабальномъ холопствѣ «вещное обезпеченіе замѣняется обезпеченіемъ свободой и личность должника уподобляется вещи». Курсъ гражд. права, I, с. 518, § 69, изд. 2.

[5]) Происхожд. крѣпостнаго права въ Россіи, «Русская Мысль», 1885, № 8, с. 12, 14.

[6]) Излагая обычный взглядъ на закладней, Костомаровъ сдѣлалъ въ немъ явно ошибочную поправку: онъ видитъ въ закладникахъ спеціальное новгородское явленіе, «тоже, что впослѣдствіи въ Московщинѣ называлось кабальные», хотя прибавляетъ онъ, неизвѣстно, въ подобномъ-ли образѣ живни находились они въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ». Сѣв.-русскія народоправства, изд. 1886, т. II, с. 32.—Костомаровъ забываетъ при этомъ, что о закладняхъ говорятъ не однѣ только новгородскія грамоты. См. ниже.

[7]) Неволинъ, op. cit., § 445 и § 450 о закладѣ дворовъ.

между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ закладничествомъ ускользнула отъ вниманія Мейера; онъ не отличаетъ закладней отъ закладчиковъ, а этимъ послѣднимъ терминомъ обозначаетъ какъ личный, такъ и реальный закладъ [1]). Въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ тоже смѣшеніе этихъ различныхъ явленій при опредѣленіи закладничества. Проф. Сергѣевичъ отрицаетъ связь между закладниками и закупами-наймитами, но, характеризуя этотъ институтъ, онъ пользуется безразлично грамотами XIII и XVII в. и полагаетъ, что слово закладень обозначаетъ, какъ „человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга", такъ и „заложенную недвижимость, землю" [2]). Наконецъ, послѣдній по времени изслѣдователь разбираемаго вопроса, А. С. Лаппо-Данилевскій, обстоятельно изучившій многія стороны внутренней жизни Московскаго государства, подъ терминомъ закладчики разумѣетъ, какъ лицъ, заложившихъ самихъ себя, такъ и лицъ, заложившихъ свои дворы [3]).

2. Иного взгляда на закладничество держался Соловьевъ. Нашъ замѣчательнѣйшій историкъ придалъ этому институту важное значеніе и особенный интересъ, какъ типичному явленію древней жизни, общему всѣмъ народамъ на извѣстной ступени общественнаго развитія. Позднѣйшіе историки не только не приняли его мнѣнія, но и не обратили на него никакого вниманія. Причина этого заключается, быть можетъ, въ томъ, что Соловьевъ высказалъ свой взглядъ на русское закладничество мимоходомъ, не указавъ, въ подтвержденіе его, ни одного свидѣтельства источниковъ. Въ „Исторіи Россіи" онъ говоритъ о закладникахъ немного, указываетъ на отличіе ихъ отъ людей несвободныхъ, („лица, которыя на извѣстныхъ условіяхъ заложились за другого, остаются людьми свободными, хотя и несамостоятельными, зависимыми"), и затѣмъ замѣчаетъ: „во все продолженіе древней русской исторіи мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особыми правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ дру-

---

[1]) Op. cit., с. 227, 242 и 243.—А. Д. Градовскій не поясняетъ, какъ онъ понимаетъ древній терминъ закладчики, хотя часто пользуется этимъ словомъ. Ист. мѣстн. управл. въ Россіи, т. I, 1868, с. 159, 161 и др. Idem И. Дитятинъ, Ист. и управл. городовъ въ Россіи, т. I.

[2]) Юридич. древности, I, с. 269.

[3]) Организація прямого обложенія въ Моск. госуд., с. 158, см. ниже § 11. Обычное мнѣніе въ довольно неопредѣленной формулировкѣ занесено г. В. Ст. и на страницы Энциклопед. Словаря Брокгауза и Евфрона, т. 23, с. 169.

гихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка“ [1]). Комментарій къ этимъ словамъ находимъ въ замѣчательной статьѣ: Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ. Здѣсь Соловьевъ говоритъ о западномъ феодализмѣ, пользуясь соотвѣтствующими древними русскими терминами. Слово „закладываться“ онъ употребляетъ въ смыслѣ „отдаваться подъ чье-либо покровительство“. Въ средніе вѣка, читаемъ въ упомянутой статьѣ, „господствуетъ первичная форма частнаго союза для защиты, форма закладничества или феодализма“... „господствуетъ закладничество въ разныхъ видахъ, смотря по тому, каково значеніе захребетника или кліента... Подлѣ первоначальной формы, подлѣ естественнаго кровнаго союза (рода) съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго въ противоположность кровному. Это союзъ закладничества, заключаемый подъ разными видами и разными условіями, отъ захребетничества и сосѣдства до холопства, но во всѣхъ видахъ имѣющій одну отличительную черту; слабый ищетъ покровительства сильнаго, при чемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда всѣхъ личныхъ правъ... Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому-нибудь одному времени, но общее народамъ въ разныя времена“ — во времена слабости государственной власти [2]). На русскихъ окраинахъ, въ Малороссіи, какъ указываетъ Соловьевъ, закладничество существовало еще во второй половинѣ XVIII вѣка; русскіе „захребетники“ (закладники) назывались здѣсь подсосѣдками [3]).

Въ настоящую минуту я не буду останавливаться на разборѣ нѣкоторыхъ частностей изложеннаго взгляда Соловьева на русское закладничество [4]); я отмѣчу только сущность этого взгляда, которая представляется мнѣ вполнѣ правильной: закладничество было не сдѣлкой залога лица, но добровольнымъ подчиненіемъ одного лица другому, болѣе сильному, съ цѣлью снисканія защиты, покровительства господина.

---

[1]) Ист. Россіи съ древн. временъ, т. IV, нов. изд., кн. I, с. 1.214, 1.215. Ср. т. XIII, кн. III, с. 656 и 703, т. 26, кн. VI, с. 33.

[2]) Статья 1873 г. «Сочиненія» С. М. Соловьева, с. 485, 512, ср. 454, 513. Тоже въ статьѣ «Начала русской земли», тамъ же, с. 19. Ср. «западно-европейское формальное закладничество или вассальство»: Ист. Россіи, т. 26, кн. VI, с. 126.

[3]) Т. 26, кн. VI, с. 39, 31, ср. т. 20, гл. IV, кн. V, с. 1.525.

[4]) О сближеніи закладничества съ феодализмомъ см. ниже.—Кліентомъ можно назвать закладчика, но не захребетника: захребетники «жили за чужимъ тягломъ» равнаго имъ по положенію посадскаго человѣка или крестьянина, не будучи зависимыми отъ домохозяина-тяглеца. Ср. Бѣляевъ. Лекціи по ист. рус. законодат., с. 496. Малороссійскіе подсосѣдки, далѣе, не всѣ были захребетниками, въ указанномъ смыслѣ (казачьи подсосѣдки); большинство ихъ было, наоборотъ, закладчиками—подсосѣдки державскіе (владѣльческіе). Ср. А. Лазаревскій, Малор. поспол. крестьяне, с. 99, 100.

Закладень и закладчикъ былъ не заложеннымъ человѣкомъ, закупомъ или кабальнымъ холопомъ; онъ былъ кліентомъ господина—патрона.

За такое пониманіе закладничества высказался вполнѣ опредѣленно одинъ только Соловьевъ. Но по случайнымъ замѣчаніямъ нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей видно, что самостоятельное изученіе источниковъ приводило ихъ, независимо отъ Соловьева, къ тому же рѣшенію занимающаго насъ вопроса. Такъ, кн. Щербатовъ въ концѣ прошлаго вѣка (1774), пересказывая новгородскія договорныя грамоты, напалъ на вѣрное пониманіе слова закладываться. Статью о закладняхъ договора 1315 г. [1]), онъ передаетъ такъ: „которые же новгородцы или села или волости, во время сего смущенія [замятня], заложили[сь] князю, то-есть предалися ему въ вѣчное и неограниченное подданство“... Другая договорная грамота говоритъ о закладняхъ, которые „позоровали къ князю“; Щербатовъ переводитъ ее: закладчиковъ, кои „въ подданство обязались“ князю [2]).

Къ числу противниковъ обычнаго взгляда на закладничество принадлежитъ, какъ кажется, и такой знатокъ русской исторіи, какъ проф. Бѣляевъ. Къ сожалѣнію, ни въ одной изъ своихъ многочисленныхъ работъ, насколько я знаю, онъ не останавливался долго на этомъ институтѣ. Бѣляевъ нерѣдко пользовался терминами „закладень“ и „закладываться“, не разъясняя, какъ онъ ихъ понимаетъ [3]); но изъ книги „Крестьяне на Руси“ видно, что онъ не придавалъ этимъ словамъ обычнаго ошибочнаго смысла. Свидѣтельствомъ „важныхъ побужденій къ поселенію на частно-владѣльческихъ земляхъ,—читаемъ въ упомянутой книгѣ,—служатъ многія грамоты и другіе оффиціальные акты, въ которыхъ мы часто встрѣчаемъ указанія, что не только жители селъ и деревень, но и горожане охотно закладывались за богатые и сильные монастыри и за бояръ, именно съ цѣлью пользоваться защитой и покровительствомъ“. Для поясненія этого общаго замѣчанія Бѣляевъ указываетъ на фактъ, занесенный въ Никоновскую лѣтопись: въ устроенныя татарскимъ баскакомъ Ахматомъ въ Курскомъ княженіи двѣ великія слободы, сошлось множество людей (слободы сдѣлались

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., № 11. Въ этомъ изданіи указанный договоръ ошибочно отнесенъ къ 1317 г.: см. Борзаковскій, Ист. Твер. Княж., прим. 441.

[2]) С. Гос. Гр. и Дог., № 4, 1295. — Ист. Росс. съ древн. временъ, т. III, с. 494 и 498. — Десятью стр. раньше Щербатовъ, однако, высказываетъ другое, несогласованное съ указаннымъ въ текстѣ, мнѣніе о закладняхъ. Новгородцы, говоритъ онъ, запрещаютъ князьямъ «приимать закладниковъ новгородскихъ, т.-е. чтобы ничего въ закладъ отъ подданныхъ Новгорода не брать» (?). Ibid., с. 486.

[3]) Истор. Новгорода Великаго въ Разсказахъ изъ рус. исторіи, кн. II, с. 207.—Лекціи по истор. рус. законодательства, с. 669, 670.

„яко грады великіе“) и бысть имъ „заборонь отвсюду велика“ [1]). Основываясь на этихъ цитатахъ и на молчаніи Бѣляева о закладничествѣ— личномъ залогѣ, я не могу не отнести его къ сторонникамъ пониманія закладничества, какъ патроната.

Къ такому же заключенію о сущности этого института пришелъ, какъ кажется, и Плошинскій, изучившій для своей исторіи городского класса всѣ законоположенія о закладчикахъ. Подобно Бѣляеву, онъ не высказывается вполнѣ опредѣленно по занимающему насъ вопросу; но, говоря о развитіи закладничества, Плошинскій, нерѣдко, видимо избѣгая сбивающаго изслѣдователей слова „закладываться“, выражается такъ: „многіе посадскіе цѣлыми семьями записывались за монастырями и разными духовными и свѣтскими лицами“ [2]). Въ одномъ же мѣстѣ онъ, пересказывая собственными словами одинъ изъ позднѣйшихъ указовъ о невыходѣ посадскихъ изъ тягла, говоритъ, что крестьяне, записанные въ слободы, обязывались „не закладываться изъ одной слободы въ другую“ [3]). Къ мнѣнію Соловьева, далѣе, прямо присоединяется историкъ Твери, Борзаковскій, который, однако, говоря о закладняхъ, очень осторожно ограничивается цитатой изъ „Исторіи Россіи“, которую я привелъ выше.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ отмѣтить позицію, занятую въ интересующемъ насъ вопросѣ компетентнымъ историкомъ русскаго права, проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Въ своемъ обстоятельномъ компендіумѣ исторіи нашего права онъ совершенно умалчиваетъ о закладняхъ и закладчикахъ [4]). „Личный закладъ, устанавливавшій временное холопство“, существовалъ, по его мнѣнію, (только?) въ видѣ закупничества и служилой кабалы [5]). Но рядомъ съ личнымъ закладомъ проф. Будановъ не преминулъ отмѣтить и явленіе другого порядка— добровольную службу, добровольное подчиненіе лица господину, хотя и не назвалъ этого явленія закладничествомъ, какъ, по на-

---

[1]) Крестьяне на Руси, изд. 3, с. 29 и примѣчаніе на с. 29—30. Ср. Разск. изъ р. ист., кн. I, с. 361.

[2]) Городское или среднее состояніе рус. народа, с. 132, 133 и др.

[3]) Op. cit., с. 167. Въ указѣ 1700 марта 11, на который ссылается въ этомъ случаѣ Плошинскій, такого выраженія нѣтъ. См. П. С. З. т. IV, № 1775.

[4]) Только въ «Христоматіи по ист. рус. права» проф. Владимірскій-Будановъ упоминаетъ одинъ разъ о «закладняхъ-закупахъ»; вып. II, с. 154. прим. 151, изд. 2.

[5]) «Обзоръ ист. рус. права», изд. 2, с. 334. Ср. с. 128. — Проф. утверждаетъ, что «личный закладъ (закупничество) былъ прекращенъ закономъ ц. Іоанна IV» (ibid., с. 476). Иначе и болѣе правильно онъ говоритъ о томъ же въ примѣчаніяхъ къ Ц. Судебнику: «закупничество было ограничено назначеніемъ maximum'а суммы, за которую человѣкъ отдаетъ себѣ въ кабалу»: Христоматія, II, с. 165.

шему мнѣнію, называлось оно въ древности. Сущность этой зависимости профессоръ опредѣляетъ такъ: „въ древности всякій, живущій въ чужомъ домѣ, становился подчиненнымъ членомъ семьи, захребетникомъ, человѣкомъ alieni juris“ [1]).

3. Такимъ образомъ, оспаривая господствующее мнѣніе о закладничествѣ, я могу вполнѣ увѣренно опереться только на авторитетъ Соловьева; неопредѣленныя замѣчанія Бѣляева, Плошинскаго и проф. Буданова не представляютъ надежной точки опоры. Это господствующее мнѣніе, хотя оно и принято большинствомъ историковъ, само по себѣ, однако, отнюдь не можетъ имѣть обязательной силы, такъ какъ никто изъ его сторонниковъ не обосновываетъ его сколько-нибудь вѣскими документальными данными [2]). Зиждется оно, въ сущности, единственно на неправильномъ толкованіи термина „закладываться“ въ смыслѣ отдавать самого себя въ залогъ. Достаточно возстановить истинное древнее значеніе этого слова, чтобы выяснить разомъ очень многое въ разбираемомъ вопросѣ. „Le sens propre des certains termes à chaque époque est plein d'enseignement pour l'historien“, замѣчаетъ французскій историкъ, который, изучая исторію учрежденій, такъ внимательно слѣдилъ за исторіей словъ [3]).

Глаголъ „закладываться“ въ древности, какъ кажется, никогда не употреблялся въ приписываемомъ ему теперь смыслѣ; во всякомъ случаѣ, обыкновенно и особенно въ сочетаніи: „заложиться за кого-нибудь“, онъ имѣлъ значеніе: закрываться, защищаться, сохраняя первоначальный смыслъ слова „закладывать“ — класть за, откуда—закрывать. Въ Ипатьевской лѣтописи разбираемый глаголъ нѣсколько разъ употребленъ въ значеніи заслониться: заложиться ночью, лѣсомъ, рѣкою [4]). „Заложиться за кого-нибудь“ значило, какъ объясняетъ Даль, „предаться на защиту“ [5]). Синонимомъ

[1]) «Обзоръ», с. 507.—Ср. «Ц. Суд. воспрещаетъ задаваться за частныхъ лицъ во избѣжаніе тягла» и отчасти суда: «Христоматія», II, с. 175, прим. 230.—Отмѣчу еще неопредѣленное замѣчаніе Пригары, въ Опытѣ ист. сост. гор. обыват. въ Вост. Россіи, 1868.

[2]) Замѣчанія о ссылкахъ на источники, приводимыхъ Неволинымъ, Сергѣевичемъ и Лаппо-Данилевскимъ, см. ниже.

[3]) Fustel de Coulanges, La monarchie franque, 1888, с. 118.

[4]) «Есть рѣка у Любча и пришедше сташа, заложившеся ею», годъ 6656. См. И. Срезневскій, Мат. для слов. др.-рус. языка, т. I. Срезневскій рядомъ съ значеніемъ «заслониться» даетъ глаголу «заложиться» также значеніе «быть отданнымъ въ залогъ», но въ подтвержденіе послѣдняго объясненія указываетъ на догов. грамоту 1316 г., которая вполнѣ допускаетъ толкованіе глагола въ смыслѣ задаваться.

[5]) Толковый Словарь, т. I, с. 602.—«Тяжелыя подати... заставляли промышленныхъ людей уклоняться отъ непосредственной зависимости отъ государства... и входить въ зависимость къ частнымъ людямъ, которые могли дать имъ защиту; это называлось закладываться за кого-нибудь»: Соловьевъ, т. 13, кн. III, с. 656.

этого выраженія былъ глаголъ задаваться, правильное пониманіе котораго не извращено еще путемъ перенесенія на него болѣе близкихъ намъ понятій.

Можно указать цѣлый рядъ цитатъ изъ древнихъ грамотъ въ подтвержденіе того, что терминъ „заложиться за кого нибудь“ значилъ въ древности именно „задаться за кого нибудь“, но не отдать самого себя въ залогъ. Такъ, на соборѣ 1566 г. духовенство, разсуждая о захватѣ польскимъ королемъ ливонскихъ городовъ, между прочимъ, говорило: „и достальные нѣмцы, видя свое неизможеніе, заложилися за короля и со своими городы и король тѣ городы ливонскіе держитъ за собою въ обереганьѣ неподѣльно“ [1]). Крестьяне, закрѣпощая себя помѣщику, обязуются въ порядныхъ: „за бояръ и въ посады не закладыватьсяˮ, „ни за кого въ крестьяне и бобыли не поряжатися и не закладыватися“ „въ холопство и во крестьянство ни за кого не заложиться“ [2]). Подлинный смыслъ этихъ выраженій, ясный уже самъ по себѣ, еще болѣе уясняется изъ сопоставленія цитированныхъ порядныхъ съ другими. Въ большей части порядныхъ слова „ни за кого не закладываться“ замѣняются аналогичными выраженіями: „ни за кого не выдти“, „ни за кого не переходить“ [3]), „въ крестьяне и въ бобыли ни за кого не рядиться и не задаваться“ [4]). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ употребляются плеонастически всѣ эти равнозначущіе термины вмѣстѣ: „изъ за Вознесенскаго монастыря ни во дворецъ, ни за архіепископы, ни за церкви и т. д. не закладываться, и не поряжатися, и не сойти, и не сбѣжати“ [5]). Въ одной изъ поручныхъ грамотъ находимъ даже слѣдующее обязательство: „ни за кою державу не заложиться и не сбѣжать“ [6]).

Подлинное значеніе слова „закладываться“ разъясняетъ намъ сущность закладничества. Закладчики, заложившіеся люди, это не лица,

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., I, № 192, с. 547.

М. Дьяконовъ, Акты, относ. къ ист. тяглаго населенія въ Моск. госуд., вып. I, №№ 4, 46, 65, idem №№ 63, 68.

[3]) М. Дьяконовъ, op. cit., №№ 7, 8—11, 25, 31 и др.

[4]) Порядная 1647 г. въ ст. И. Бѣляева, въ Арх. ист. и практ. свѣдѣній 1859, II с. 94.—«Изъ слободы въ слободу не закладываться»: П. С. З., № 1666.

[5]) Акты М. Дьяконова, №№ 18, 19. «Ни за кого въ крестьяне и бобыли не поряжаться и не закладываться». Idem, № 46, ср. № 47.—Отмѣчу аналогію глаголу закладываться въ указанномъ значеніи: «Намъ отъ чудотворцевъ дому никуды не откладываться» (Idem, № 76, ср. С. Гос. Гр. и Дог. I, с. 621); «многіе грады царю измѣнили и приложилися къ ворамъ и разбойникамъ» (Р. Ист. Библ., т. XIII, с. 107—108); «Наши же бояре сложишася съ ними (Ibid., с. 153); «вложися въ домъ Пречистыя Богородицы» (А. Юрид., № 127 и 131). «Прилагаться князю» П. С. Р. Л., т. XV, с. 468, 470.

[6]) Акты Юрид., № 309, II, с. 327.

отдавшія самихъ себя въ залогъ, но лица „задавшіяся“, отдавшія себя подъ защиту сильнаго человѣка [1]). Какъ древнѣйшіе „закладни“, такъ и позднѣйшіе закладчики—это заступные люди, какъ иначе называетъ ихъ одинъ изъ правительственныхъ актовъ середины XVII вѣка [2]), это „протекціальные люди“ Юго-западной Россіи [3]).

4. Въ узаконеніяхъ XVII в., касающихся закладчиковъ, въ соборномъ уложеніи 1649 г. и въ царскихъ наказахъ воеводамъ и писцамъ, мы найдемъ рядъ указаній на то, что сущность закладничества отнюдь не заключалась въ сдѣлкѣ займа съ залогомъ лица. Обратимъ вниманіе, прежде всего, на терминологію такихъ узаконеній. XIX глава Уложенія говоритъ: о людяхъ, „живущихъ въ закладчикахъ за патріархомъ... и за всякихъ чиновъ людьми“, повелѣваетъ „ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны и людьми не называтися“, грозитъ наказаньемъ закладчикамъ, „будетъ они впредь учнутъ за кого закладываться“, и господамъ, „которые ихъ учнутъ впредь за себя пріимати въ закладчики“ [4]). Едва-ли можно приписать простой случайности то обстоятельство, что ни составители уложенія, ни авторы наказовъ и челобитныхъ, говоря о закладчикахъ, вмѣсто всѣхъ такихъ разнообразныхъ опредѣленій, ни разу не употребили того, которое само собой подвернулось бы подъ ихъ перо, если бы сущность закладничества состояла, какъ полагаютъ, въ дачѣ лицомъ на себя закладной кабалы: „и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ никому закладныхъ кабалъ на себя не давати“,—такого законодательнаго постановленія мы не найдемъ ни въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ закладчикамъ [5]).

Напротивъ, лишь только въ уложеніи зайдетъ рѣчь о дѣйствительномъ закладѣ—залогѣ, тотчасъ же упоминаются и письменные акты сдѣлокъ этого рода: „а будетъ кто кому вотчину свою заложитъ... и закладную кабалу на себя дастъ“ [6]). При этомъ человѣкъ, заложившій что-либо,—

---

[1]) «За князя, боярина, дьяка, за монастырь и за всякаго сильнаго человѣка не заложитися». Поручная 1641 г.: А. Юрид. № 304, III.

[2]) Выписки изъ переписной книги сыскныхъ дѣлъ 1648—1649 г. въ А. Арх. Эксп. IV, № 32, с. 45.

[3]) См. Леонтовичъ, Крестьяне Юго-западной Россіи по литов. праву, с. 7. О «протекціантахъ» въ Малороссіи, см. цитату изъ книги Кирилова у Кеппена, О народныхъ переписяхъ въ Россіи, с. 65, прим. 65.—Не повторяю здѣсь того, что сказано въ моей ст. «Люди кабальные и докладные» (Ж. М. Нар. Просв. 1895, № 1) о литовскихъ закладняхъ, предполагая посвятить особый очеркъ патронату въ Юго-западной Россіи.

[4]) Ст. 13, гл. XIX.

[5]) Оно встрѣчается въ наказахъ, касающихся восточныхъ закладныхъ людей; о нихъ см. ниже § 13.

[6]) Ст. 32, гл. XVII.

что особенно знаменательно,—и въ уложеніи, и въ актахъ систематически называется уже не закладчикомъ (какъ можно было бы ожидать), но заимщикомъ [1]). Залогодатели въ XVII в. обыкновенно назывались заимщиками; договоръ займа съ залогомъ не отличался въ этомъ отношеніи отъ простого займа. Напомню стереотипное выраженіе: „къ сей закладной своей заимщикъ такой-то руку приложилъ“ [2]). Въ XVII в. для обозначенія лица, заложившаго что-либо, нерѣдко пользовались неловкими перифразами, избѣгая слова закладчикъ, имѣвшаго спеціальное значеніе: „тѣ люди, чьи закладишка, и по ся мѣстъ не выкупаютъ своихъ закладовъ“ [3]).

Закладничество по существу своему отнюдь не было денежной сдѣлкой, но весьма естественно, что господа иногда старались закрѣпить за собою своихъ закладчиковъ, вольныхъ слугъ, долговыми обязательствами. О такихъ обязательствахъ закладниковъ по отношенію къ господамъ уложеніе говоритъ какъ о сдѣлкахъ, постороннихъ закладничеству, черезъ нѣсколько статей послѣ главныхъ постановленій о немъ: „а которые посадскіе разныхъ сотенъ и слободъ тяглые люди взяты будутъ изъ закладчиковъ въ тягло и тѣ люди, изъ за кого они будутъ взяты, учнутъ на нихъ бити челомъ государю по кабаламъ, или по записямъ о заемныхъ деньгахъ или о ссудѣ: и по такимъ крѣпостямъ и по записямъ на тѣхъ закладчиковъ... суда не давати и тѣ крѣпости имати у нихъ въ приказъ“ [4]). Еще яснѣе указываетъ на отношеніе такихъ денежныхъ сдѣлокъ къ закладничеству грамота 1638 г.: „а объявятся на нихъ (закладчиковъ) у кого какія кабалы или иныя какія крѣпости“, то тѣ крѣпости не имѣютъ силы [5]). Помѣщики, очевидно, брали на закладчиковъ ссудныя и заемныя записи, такъ же какъ на чужихъ бѣглыхъ крестьянъ, „хотя укрѣпити ихъ впередъ за

---

[1]) «И тому, у кого тотъ закладъ былъ, взяти на заимщикѣ»; Уложеніе, гл. X, ст. 197; idem гл. XVII, ст. 32. То же Указъ 1558, янв. 11, Христ. В.—Буданова, III, 16.—Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о закладѣ и о закладныхъ кабалахъ, нѣтъ слова закладчикъ: гл. XVI, ст. 69, гл. XVII, ст. 35—40, гл. X, ст. 196. «Кто продалъ или заложилъ вотчину», называется «продавцомъ».

[2]) «А. отн. до Юр. Быта», т. II, № 126, IX, idem. № 126, VIII, X, XII. А. Юрид. №№ 244, 248, 249 (XVI стол.). Р. Ист. Библ., т. XII, № CIX (1612). Закладная 1700 г. въ ст. А. Спицына, Оброчн. земли на Вяткѣ, стр. 43.—«Закладные люди» на востокѣ также называются заемщиками, см. ниже § 13.—Въ уложеніи и въ грамотахъ эта терминологія строго выдержана; я знаю только два исключенія: П. С. З. II, № 163 (1679, с. 208) и Р. Ист. Библ., т. XII, № XLIII (1641), гдѣ люди, закладывающіе недвижимости, называются и заимщиками и закладчиками.

[3]) Р. Ист. Библ., т. II, № 179, с. 757.

[4]) Ст. 18, гл. XIX.

[5]) А. Арх. Эксп., III, № 279.

собою“ [1]), но отсюда нельзя заключать, что закладчики, какъ и бѣглые крестьяне, обыкновенно закрѣпощали себя ссудными записями. На малую распространенность практики такого рода указываетъ то обстоятельство, что о денежныхъ обязательствахъ закладчиковъ упоминаютъ только два, цитированныхъ мною, узаконенія. Замѣчательно, что оба эти акта не упоминаютъ, въ числѣ средствъ закрѣпощенія закладчиковъ, о закладныхъ кабалахъ, называя лишь обыкновенныя заемныя и ссудныя записи: это не можетъ не свидѣтельствовать противъ обычнаго отожествленія закладничества съ неволей по закладной кабалѣ [2]).

Нѣкоторые аргументы противъ такого обычнаго взгляда можно найти въ сочиненіяхъ самихъ его сторонниковъ. Такъ, проф. Сергѣевичъ замѣтилъ, что Царскій Судебникъ, „установляя различіе между служилыми кабалами и ростовыми, повидимому, не оставляетъ мѣста закладничеству“, какъ особому договору займа [3]). Этотъ судебникъ 1551 г., какъ извѣстно, предотвращаетъ развитіе рабства изъ долговыхъ отношеній: запрещаетъ, съ одной стороны, должникамъ служить у кредиторовъ, съ другой—„имати кабалы (служилыя) на серебряника болѣ пятинадцати рублевъ“ [4]). При строгой регламентаціи отношеній между вѣрителями и должниками, молчаніе судебника о закладничествѣ, какъ договорѣ займа, было бы совершенно непонятнымъ, если бы только это послѣднее, дѣйствительно, было особой формой займа съ залогомъ лица, тѣмъ болѣе, что закладничество было старымъ институтомъ, имѣвшимъ широкое распространеніе, служилая же кабала только-что возникла въ то время, лѣтъ за 50 до изданія судебника.

У проф. Мейера, далѣе, я нахожу замѣчаніе такого рода: „Источники не содержатъ никакихъ свидѣтельствъ объ оставленіи званія закладчика вслѣдствіе выкупа... Можно даже предположить, съ нѣкоторой вѣроятностью, что закладывались по займамъ безденежнымъ для пріобрѣтенія сопряженныхъ съ этимъ актомъ выгодъ, или снисканія одного покровительства сильнаго человѣка“ [5]). Слѣдуетъ замѣтить, что источники точно также не содержатъ никакихъ свидѣтельствъ и о поступленіи въ закладчики путемъ залога лица; гипотеза о заключеніи закладчиками дѣйствительныхъ или фиктивныхъ займовъ не имѣетъ за себя никакихъ основаній, кромѣ неудачнаго толкованія глагола закладываться.

---

[1]) Уст. кн. земскаго приказа, въ Христом. В.—Буданова, вып. III, с. 153 (1642).
[2]) См. ниже § 13.
[3]) Юрид. Древности, т. I, с. 272.
[4]) Ст. 82 и 78.
[5]) Юрид. Сборникъ, Казань, 1855, с. 227.

5. Посмотримъ теперь, какія данныя для опредѣленія существа разсматриваемаго института можно найти въ актахъ XVII вѣка.

Въ удѣльный періодъ, какъ мы увидимъ ниже, закладничество состояло въ подчиненіи лица господину, вмѣстѣ съ принадлежащей закладню землей. Человѣкъ достигалъ покровительства господина, отдавая ему во власть свою земельную собственность. Эта форма закладничества въ XVII в. не имѣла того распространенія, какъ въ древнѣйшее время. Но древнее закладничество, личное и реальное вмѣстѣ, сохранялось въ XVI—XVII в. въ нѣсколько иномъ видѣ. Отъ удѣльныхъ закладней мало чѣмъ отличались тѣ монастырскіе вкладчики XVI—XVII столѣтій, которые отдавали свою землю вкладомъ въ монастырь, и оставались жить на своей землѣ, въ качествѣ монастырскаго человѣка.

Наиболѣе же распространеннымъ въ XVII в. было закладничество личное. Непремѣннымъ условіемъ его было поселеніе на землѣ патрона. Заступу давала закладчику привиллегированная вотчина бѣломѣстца; поэтому заступныхъ людей XVII в. можно назвать закладчиками вотчинными для отличія отъ древнѣйшихъ закладниковъ, или закладней. Преслѣдуя закладничество этого рода, правительственные акты вѣка царей Михаила и Алексѣя не говорятъ ни о займѣ съ залогомъ лица, ни о закладѣ дворовъ, но исключительно о переходѣ, о бѣгствѣ тяглыхъ людей на земли вотчинниковъ... „А которые московскіе и городовые посадскіе люди,—читаемъ въ уложеніи 1649 г.,—сами, или отцы ихъ, въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ и на посадѣхъ въ тяглѣ, ...а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ... за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, на ихъ дворѣхъ и въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ, и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозить на старыя ихъ посадскія мѣста [1]). Возникая изъ поселенія на частно—владѣльческой землѣ, состояніе закладничества, такимъ образомъ, прекращается при возвращеніи лица на землю государственную, въ посадъ. Одна изъ грамотъ 1630 г. прямо указываетъ, что посадскіе люди... живутъ въ монастырскихъ слободахъ и на церковныхъ земляхъ въ закладчикахъ, вышедъ съ посаду“ [2]). Въ XVII в. нерѣдко говорили о закладчикахъ, не употребляя этого термина и другихъ отъ того же корня. Но эти люди, „поселившіеся за помѣщиками“, „живущіе за патріархомъ“, уйдя изъ посада, безъ всякаго сомнѣнія—тѣ же „закладчики“. Такъ одна изъ челобитныхъ, приводя примѣръ развитія закладничества, выражается

[1]) Ст. 13, гл. XIX.

[2]) А. Арх. Эксп., III, № 188, с. 274.

слѣдующимъ образомъ: „въ Нижнемъ-Новгородѣ на посадѣ, въ одной Благовѣщенской слободѣ за патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, сверхъ писцовыхъ книгъ больше 600 человѣкъ, которые въ ту слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости“ [1]). Въ позднѣйшей грамотѣ 1667 г. читаемъ: „и нынѣ тѣ отписные закладчики и крестьяне на Москвѣ ... вышли за тѣхъ же, за кѣмъ они прежъ сего жили, а иные вновь поселились за иныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ“ [2]). Заложиться и „поселиться за кого-нибудь“—это синонимы.

Поселяясь въ привиллегированной частновладѣльческой вотчинѣ, свободной отъ государственныхъ налоговъ и суда, закладчикъ дѣлался зависимымъ человѣкомъ землевладѣльца. Въ качествѣ боярскаго, монастырскаго или церковнаго человѣка, онъ выходилъ изъ подъ вѣдомства государственной власти, освобождался отъ уплаты налоговъ и отъ общей судебной и административной отвѣтственности, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій (убійство, разбой и татьба съ поличнымъ). Закладчики, говоритъ челобитная 1648 г., „съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда вольготѣ“ [3]); тоже свидѣтельствуетъ соборное постановленіе 1619 г.: закладчики „податей никакихъ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми не платятъ и живутъ себѣ въ покоѣ“ [4]). Съ другой стороны, дворяне и дѣти боярскія, жалуясь въ челобитьѣ на насильства, чинимыя „посадскими людьми, живущими за сильными людьми и за монастыри въ закладчикахъ“, указываютъ, между прочимъ, на то, что „въ городѣхъ воеводы и приказные люди на тѣхъ людей въ ихъ насильствахъ суда не даютъ, отказываютъ имъ, что имъ ихъ въ городѣхъ судити не указано“ [5]).

Оборотной стороной этой независимости отъ государственной власти, естественно, было полное подчиненіе закладчика господину, землевладѣльцу. Освободиться отъ власти государства лицо могло, только отдавшись во власть частновладѣльца, сдѣлавшись изъ государева человѣка—боярскимъ [6]). Констатируя такую зависимость закладчика отъ

[1]) Idem, IV, № 32 (1648), с. 45.

[2]) Idem, IV, № 158. Ср. IV, № 36 и III, № 141, с. 202. («розбѣжались»).

[3]) С. Гос. Гр. и Дог. т. III, № 47.

[4]) А. Арх. Эксп., т. IV, № 32 и 45. Ср. т. IV, № 158 (1667).

[5]) Уст. кн. земскаго приказа, XXXI, п. 10. Христом. В.-Буданова, III, с. 158.

[6]) Посадскіе люди просятъ государя взять закладчиковъ въ посадъ, чтобъ «вездѣ были все его государевы люди», «чтобъ вездѣ были все его В. Государя государство». А. Арх. Эксп, IV, № 36.

господина, изслѣдователи объясняли ее тѣмъ, что закладчикъ былъ крѣпокъ господину, какъ его неоплатный должникъ, по дѣйствовавшему въ древности правилу: „а кто человѣка держитъ въ деньгахъ и онъ того своего человѣка судитъ самъ“ [1]). Какъ я уже говорилъ, закладчикъ отнюдь не былъ неоплатнымъ должникомъ, отдавшимъ самого себя въ залогъ, запродавшимся кабальнымъ холопомъ. Отдаваясь въ подчиненіе господину, онъ, дѣйствительно, становился въ положеніе, близкое къ холопству. Но холопъ былъ человѣкъ крѣпкій господину, составлявшій его полную собственность, на котораго господинъ имѣлъ, кромѣ правъ владѣнія и пользованія, также и право распоряженія. Закладчикъ же не связывалъ себя никакой крѣпостью; въ юридическомъ отношеніи, съ точки зрѣнія права, признаваемаго и охраняемаго государствомъ, онъ оставался свободнымъ человѣкомъ. Если, поселяясь въ частно-владѣльческой вотчинѣ, закладчикъ становился въ зависимыя отношенія къ вотчиннику, за освобожденіе отъ государственныхъ обязанностей, платился временнымъ лишеніемъ свободы, подчиненіемъ суду и управѣ господина или его приказчика, то онъ все-таки сохранялъ за собою право порвать во всякое время свою зависимость. Въ этой временной, добровольной зависимости—существенная черта закладничества.

6. Институтъ этого рода, подъ именемъ патроната, существовалъ и въ западно-европейской исторіи. Соловьевъ, какъ я говорилъ раньше, переводитъ слово феодализмъ словомъ „закладничество“, произвольно расширяя значеніе этого термина. Но учрежденіе закладничества-патроната, въ томъ видѣ, какъ его характеризуетъ самъ же Соловьевъ, не составляетъ еще всей сущности феодальнаго строя, хотя и представляетъ одну изъ его существенныхъ основъ [2]). Въ средневѣковой латыни часто употреблялся терминъ, вполнѣ соотвѣтствующій по смыслу слову закладываться—задаваться; это глаголъ se commendare, обозначавшій актъ подчиненія кліента патрону. Слово закладничество тождественно по смыслу съ словомъ commendatio и терминъ „закладчикъ“ съ словомъ commendatus.

Историки западно-европейскаго патроната справедливо сближаютъ различныя формы этого института, существовавшія въ римскомъ го-

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., I, № 148 (1514). На этотъ текстъ ссылается проф. Сергѣевичъ, op. cit., I, 270.

[2]) Кліентъ сдѣлался «вассаломъ», когда его главной обязанностью по отношенію къ патрону стала военная служба. Феодальное государство образовалось тогда, когда иммунитетное землевладѣніе и военный патронатъ, въ своемъ крайнемъ развитіи, поглотили государственную власть. Fustel de Coulanges passim.

сударствѣ, въ первые вѣка, въ эпоху разцвѣта римской имперіи и въ эпоху ея упадка, у галловъ во время Цезаря, у франковъ во время Меровинговъ, у англо-саксовъ до норманскаго завоеванія, и затѣмъ всюду на западѣ, въ эпоху феодализма. „Подъ различными наименованіями, говоритъ Фюстель де-Куланжъ, рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же институтѣ, который, измѣняясь, передается изъ вѣка въ вѣкъ. Сущность этого института состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ отдается въ зависимость другому. Этотъ родъ зависимости не слѣдуетъ смѣшивать ни съ зависимостью раба отъ господина, ни съ отношеніями вольноотпущенника къ патрону. Рѣчь идетъ здѣсь о подчиненіи человѣка свободнаго, о подчиненіи добровольномъ. Древнія общества знали послушаніе гражданина государству, или подданнаго государю, который олицетворялъ государство. Мы же будемъ вести рѣчь о томъ послушаніи, которое человѣкъ добровольно оказываетъ личности другого человѣка. Это подданство индивидуальное и личное. Причина его возникновенія заключается въ томъ, что человѣкъ слабый или бѣдный нуждается въ человѣкѣ сильномъ или богатомъ. Онъ проситъ у него покровительства и подчиняется ему, чтобы достичь покровительства. Два лица заключаютъ обязательство: одинъ долженъ будетъ покровительствовать, другой повиноваться“ [1]).

Въ эпоху разцвѣта римскаго государства, патронатъ (clientela, patrocinium) былъ въ моментѣ переживанія; онъ не имѣлъ существеннаго вліянія на общественный строй, не измѣнялъ отношенія лицъ къ государству. Окрѣпшее государство съумѣло отнять у патроната его антигосударственный характеръ [2]). Но въ отношеніяхъ кліентовъ этого времени къ патронамъ сохранялась сущность этого учрежденія, добровольнаго союза двухъ лицъ, основаннаго на взаимномъ довѣріи (fidem inter se dare) [3]).

Тотъ или иной характеръ патроната зависитъ отъ состоянія государства. Въ IV вѣкѣ, въ силу ослабленія государственной власти, обусловившаго возможность противодѣйствія ея требованіямъ, патронатъ значительно развился въ римской имперіи, особенно въ удаленныхъ отъ

---

[1]) Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal, le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne. 1890. p. 192—193.

[2]) Flach. Les origines de l'ancienne France. t. I. Le régime seigneurial p. 55: «A la belle époque de Rome le patronage ne fait plus une institution mais un état de moeurs».

[3]) F. de Coulanges, op. cit p. 218. Этотъ писатель нѣсколько преувеличиваетъ значеніе кліентелы въ указанное время. Ему не удалось вполнѣ парировать то возраженіе, которое онъ предвидѣлъ: «n'allons pas croire qu'il s'agisse ici d'un vague patronage comme l'on imaginerait de nos jours», p. 239.

центра провинціяхъ, получивъ важное общественное значеніе. Commendatio этого времени ведетъ къ нѣкоторой независимости кліента („susceptus", особый терминъ этого періода) отъ государства. Владѣнія знатныхъ лицъ пользуются податными привиллегіями; они платятъ налоги въ меньшемъ размѣрѣ а нѣкоторые совершенно свободны отъ уплаты налоговъ [1]). Благодаря защитѣ патрона, человѣкъ освобождался отъ части своихъ податныхъ обязанностей по отношенію къ государству; во всеобщемъ стремленіи освободиться отъ непомѣрнаго бремени налоговъ заключается главная причина развитія commendatio въ эту эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду ослабленія государственной власти, патронатъ и въ это время уже имѣетъ значеніе, какъ частный союзъ для защиты отъ насилія, какъ замѣна неудовлетворительной государственной защиты фактической обороной сильнаго патрона [2]). Хотя villae знатныхъ собственниковъ не пользуются еще судебнымъ иммунитетомъ, но на дѣлѣ сильный патронъ нерѣдко охраняетъ своего человѣка (homo) отъ государственнаго суда; онъ считаетъ себя стоящимъ „выше закона и внѣ закона" и судъ уступаетъ передъ нимъ [3]).

Полное развитіе патронату даетъ иммунитетъ. Когда во время Меровинговъ (VI—VIII вв.) богатые землевладѣльцы окончательно дѣлаются государями въ предѣлахъ своихъ владѣній, когда право суда, сбора налоговъ и военнаго набора переходитъ въ руки землевладѣльца, то „по отношенію къ людямъ свободнымъ (кліентамъ) и рабамъ, живущимъ на его землѣ, онъ дѣлается единственнымъ главой, судьей и покровителемъ" [4]). Въ это время патронатъ ведетъ къ крайнему, самому важному послѣдствію: полному освобожденію лица отъ власти государства. Государственныя права на лицо присваиваетъ патронъ, который заслоняетъ собою кліента отъ государственной власти такъ же, какъ раба. Но кліента нельзя приравнивать къ рабу — частной собственности господина. Для кліента такъ же, какъ для раба, господинъ есть государь; но для раба господинъ въ то же время — частный собственникъ съ правомъ распоряженія; для кліента же патронъ—только государь. Добровольная связь покровительства, патроната, по существу своему, ближе всего къ связи подданства [5]). Когда патронъ вотчин-

[1]) F. de Coulanges, op. cit. p. 243 и 422.

[2]) По мнѣнію Flach'a, патронатъ и въ это время имѣетъ главное значеніе, какъ частный союзъ для защиты: le bésoin de sécurité prime tout», op. cit., p. 77.

[3]) Flach, op. cit. I, 72.

[4]) F. de Coulanges, op. cit. L'immunité, ch. XVI, p. 419 и др.

[5]) Словомъ sujétion опредѣляетъ сущность патроната иногда и Ф. де-Куланжъ. «Связь патроната, покровительства, подданства, возникавшаго изъ добровольнаго соглашенія сторонъ». Op. cit. c. 205.

никъ, какъ въ средніе вѣка, обладаетъ государственными правами, сущность отношеній кліента къ патрону еще болѣе приравнивается къ отношеніямъ подданства лица къ государству.

Въ Англіи, въ саксонское время патронатъ—личное покровительство строго отличался отъ подчиненія одному изъ такихъ государственныхъ правъ вотчинника, сокѣ—праву суда надъ человѣкомъ. „Послѣ норманскаго завоеванія, замѣчаетъ П. Г. Виноградовъ, обѣ формы начинаютъ смѣшиваться подобно тому, какъ было во франкской монархіи: покровительство и частная юрисдикція соединяются и образуютъ основу феодальнаго строя“ [1]), патронатъ превращается въ подданство.

Я охарактеризовалъ нѣкоторыя формы западно-европейскаго патроната не для того, чтобы указать полную аналогію какой-либо изъ этихъ формъ съ русскимъ закладничествомъ. Я имѣлъ въ виду только выяснить сущность различныхъ видовъ этого института, которая оказывается тожественной съ сущностью закладничества. Дальнѣйшее сравненіе затрудняется неполнотою нашихъ свѣдѣній, какъ о западноевропейскомъ, такъ и о русскомъ патронатѣ, обусловленной отрывочными, случайными указаніями источниковъ. Какъ въ римской имперіи IV в., такъ и въ меровингскомъ государствѣ особенно распространено было закладничество лица вмѣстѣ съ принадлежащей ему землей, „le patronage des fonds de terre“ [2]). Какъ ни мало извѣстно о западномъ патронатѣ этого рода, о тожественной формѣ нашего закладничества, распространенной въ удѣльный періодъ, источники даютъ намъ еще болѣе скудныя свѣдѣнія. Съ другой стороны западно-европейскія грамоты особенно скудны указаніями по отношенію къ той формѣ закладничества, о которой идетъ рѣчь въ этой главѣ, къ патронату, связанному съ поселеніемъ лица на частновладѣльческой землѣ.

7. Особая черта сходства между закладничествомъ XVII в. и римскимъ патронатомъ IV в. заключается въ одной и той же главной причинѣ развитія этого института. Въ московскомъ государствѣ, точно также какъ въ римской имперіи въ эпоху ея упадка, главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было обыкновенно стремленіе освободиться, подъ защитой патрона, отъ непосильнаго бремени налоговъ. Царскія грамоты замѣчаютъ, что тяглые люди дѣлаются закладчиками, „не хотя тягла и податей платити“ [3]); законы кодекса императора Θеодосія, пре-

[1]) Изслѣдованія по соц. ист. Англіи въ средніе вѣка, Domesday book. Ж. М. Нар. Пр., 1887, № 4, с. 212—213.

[2]) Одни «se recommandent eux et leurs, terres, tandis que d'autres ne recommandent que sa personne». Flach, op. cit., I, p. 74.

[3]) А. Арх. Эксп., т. IV, № 158, и выше.

слѣдующіе патронатъ, говорятъ о людяхъ, „qui fraudandorum tributorum causa ad patrocinia confugerint“ [1]). Какъ московское, такъ и римское правительство издаютъ рядъ узаконеній противъ закладничества (patrocinium), одинаково грозятъ наказаніями, конфискаціей земель, штрафами патронамъ и кліентамъ (suscepti) и, какъ кажется, одинаково не достигаютъ цѣли [2]).

Правительство преслѣдовало закладничество по фискальнымъ соображеніямъ; землевладѣльцы нуждались въ людяхъ, дорожили платежной единицей не менѣе правительства и поэтому принимали дѣятельное активное участіе въ развитіи закладничества, привлекая тяглыхъ людей болѣе легкимъ оброкомъ. Между государственными властями и вотчинниками въ XVII в. шла непрерывная борьба за тяглеца, посадскаго человѣка. Переселяя съ вотчинъ избылыхъ посадскихъ людей на старыя ихъ тяглыя мѣста, правительство предписываетъ воеводамъ „беречь накрѣпко“, чтобъ землевладѣльцы отписанныхъ отъ нихъ въ посадъ закладчиковъ „не развозили и насильства имъ никакого не чинили“. Господа оказывали сопротивленіе чиновникамъ, отписывавшимъ закладчиковъ, и на тѣхъ „ослушниковъ и сильныхъ людей“ воеводы должны были давать, въ помощь писцамъ, пушкарей [3]).

Въ борьбѣ съ закладничествомъ правительству оказывали живое содѣйствіе посадскіе люди, остававшіеся на своихъ тяглыхъ мѣстахъ. Уходъ тяглаго человѣка подъ защиту бѣломѣстца ложился бременемъ на тяглую общину, отвѣчавшую передъ правительствомъ за избылыхъ людей; „за пустыя мѣста платили оставшіеся на посадѣ“ [4]). Посадскіе люди обращались къ правительству съ челобитными, прося уничтожить закладничество, и по ихъ иниціативѣ изданы были главныя узаконенія противъ закладчиковъ 1619 и 1648 г. „Иногда городскіе тяглецы,— говоритъ Соловьевъ,—платились за свое торжество, когда по ихъ челобитью возвращали къ нимъ ихъ бѣглыхъ собратій съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ“. Приказчикъ кн. Репнина, мстя за взятыхъ въ посадъ закладчиковъ („отписныхъ“), съ вооруженными людьми

---

[1]) F. de Coulanges, op. cit., c. 244, прим. 1. Законъ 399 г.

[2]) Ibidem., c. 242, и Flach, op. cit., c. 77: «Confiscations et amendes doivent frapper ensemble le patron et le client. Mais les menaces demeurent stériles, les peines inefficaces: a fréquence des dispositions prohibitives le prouverait à elle seule».—«Строгія мѣры (противъ закладничества) нерѣдко не достигали цѣли». Лаппо-Данилевскій, op. cit., c. 154.

[3]) А. Арх. Эксп., IV. № 34 (1648) и III, № 141 (1623).

[4]) «Тягло падало на всю общину, такъ какъ она представлялась правительству по послѣдней переписи». Лаппо-Данилевскій, op. cit., c. 117.

нападалъ на жителей гор. Луха, убивалъ ихъ и грабилъ [1]). Пока не было закладчиковъ, замѣчаетъ одна изъ грамотъ, „и мятежу никакого и междуусобія не бывало-жъ“ [2]).

Въ удѣльный періодъ на Руси, точно такъ какъ во Франціи въ Меровингскую эпоху, главной причиной развитія закладничества была слабость государственной власти; въ подчиненіи частному лицу, сильному господину люди стремились найти ту защиту, ту общественную безопасность, которую въ то время не обезпечивало еще вполнѣ государство. До нѣкоторой степени эта причина, стремленіе лицъ оградить себя „отъ сильныхъ людей насильства“, вліяла на развитіе закладничества и въ Московскомъ государствѣ, въ XVII в. Вліяніе ея должно было быть особенно значительнымъ въ первое время послѣ смутной эпохи, когда многіе люди „били челомъ государю на бояръ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ ихъ пожаловать, велѣть отъ сильныхъ людей оборонить“ [3]). Представители государственной власти, и въ позднѣйшее время, нерѣдко оказывались безсильными передъ самоуправствомъ могущественныхъ вотчинниковъ или ихъ приказчиковъ; иногда, замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, „правительство должно было, послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести въ судъ сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго“ [4]). Насилія и злоупотребленія правительственныхъ агентовъ дѣлали еще болѣе тяжелымъ безправное положеніе государевыхъ людей, заставляли ихъ, изъ боязни быть „замученнымъ на смерть на правежѣ“, „брести розно“, и закладываться за бояръ и монастыри.

„За хребтомъ“ сильнаго боярина жить было болѣе безопасно и здѣсь скорѣе можно было найти относительно праведный судъ и управу [5]). Вмѣсто насилія воеводъ и откупщиковъ, закладчика ждали на частновладѣльческой землѣ насилія боярскихъ приказчиковъ, но произволъ послѣднихъ сдерживался тѣмъ, что они дорожили рабочими людьми болѣе посадскихъ властей, и тѣмъ, что закладчикъ оставался свободнымъ человѣкомъ и могъ бѣжать отъ ихъ злоупотребленій. Защита же отъ насилія сторонннхъ людей была болѣе дѣйствительной на частновладѣльческой землѣ. Господа заботились о безопасности своихъ людей и

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIII, нов. изд., кн. III, с. 703; Дополненіе къ Актамъ гор. Тулы, Я. Гарелина.

[2]) А. Арх. Эксп., IV, № 32, с. 15.

[3]) А. Арх. Эксп., III, № 105.

[4]) П. Милюковъ, Очерки по исторіи р. культуры, 1896, с. 157.

[5]) См. И. Забѣлинъ. «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ», ст. въ «Вѣстн. Евр., 1871, № 2, с. 490.

вмѣняли въ обязанность приказчикамъ „въ обиду ихъ никому не давать и отъ стороннихъ людей оберегать и во всемъ за нихъ стоять и самому съ своими людьми стороннихъ людей никого не изобижать“ [1]). Землевладѣльцы защищали „живущихъ за ними людей“, нерѣдко даже въ случаѣ ихъ виновности „во всякомъ разбойномъ и татебномъ воровствѣ“, „хоронили ихъ у себя и отбивали у приставовъ“ [2]). Подъ защитой сильнаго человѣка, закладчики, не боясь насилія надъ собой, въ свою очередь, чинили насилія другимъ. Дворяне и дѣти боярскія жаловались государю, что отъ закладчиковъ, живущихъ за сильными людьми и за монастыри, „имъ и людемъ ихъ и крестьяномъ обиды и насильство многое въ городѣхъ и по торжкомъ и по слободамъ и на посадахъ: людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, по мытамъ и на перевозахъ перевозы и мостовщину емлютъ мимо государева указу“ [3]). Къ тому же самому слѣдствію вело закладничество и въ римской имперіи; по свидѣтельству современника императора Ѳеодосія Великаго, люди иногда становились подъ защиту могущественнаго человѣка „не для того, чтобы не терпѣть зла, но чтобы самимъ его дѣлать“ (οὐχ ἵνα μὴ πάθωσι κακῶς, ἀλλ᾽ἵνα ἔχωσι ποιεῖν [4]).

8. Типичная форма закладничества XVI, XVII в., какъ я указалъ выше, была связана съ поселеніемъ лица въ предѣлахъ владѣній патрона. Поселясь на частно-владѣльческой землѣ, часть закладчиковъ сохраняла свою хозяйственную самостоятельность; одни изъ задавшихся людей этого разряда занимали особые дворовые участки, поселяясь въ готовыхъ дворахъ и избенкахъ, или строя новые хоромы; другіе—вели самостоятельныя хозяйства, живя на боярскихъ дворахъ, состоявшихъ въ личномъ пользованіи ихъ владѣльца. Особый разрядъ закладчиковъ составляли лица, не имѣвшія самостоятельныхъ хозяйствъ, жившія въ челяденныхъ дворахъ господина, для личныхъ услугъ, или непосредственной работы на него; это такъ-называемые „вольные холопы“, названіе, прекрасно опредѣляющее сущность закладнической зависимости.

Глаголъ закладываться—задаваться имѣлъ въ древности широкій смыслъ, употреблялся для обозначенія всякаго выхода лица подъ заступу частнаго лица, какимъ бы путемъ ни достигалось покровительство господина. Такой общій смыслъ имѣетъ этотъ глаголъ въ указанныхъ мною раньше выраженіяхъ: закладываться въ крестьянство или въ хо-

---

[1]) И. Забѣлинъ, l. cit., № 1, с. 21.
[2]) Уложеніе 1649, ст. 77 и 81, гл. XXI.
[3]) Уст. кн. земскаго приказа, № XXXI, п. 10. L. cit., с. 158.
[4]) F. de Coulanges, op. cit., с. 242, прим. 1.

лопство. Терминъ „закладчикъ“, напротивъ, имѣлъ слишкомъ узкій смыслъ; отнюдь не всѣ задавшіеся люди, находившіеся въ закладнической зависимости, такъ какъ я ее понимаю, назывались въ XVII в. закладчиками. Этимъ словомъ пользовались почти исключительно для обозначенія заложившихся, путемъ выхода изъ посада на частно-владѣльскія земли, тяглыхъ посадскихъ людей, торговцевъ и ремесленниковъ, которые и на боярской или монастырской землѣ продолжали свою торговую и промышленную дѣятельность. Акты, какъ можно замѣтить по вышеприведеннымъ цитатамъ [1]), говорятъ о посадскихъ, торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людяхъ закладчикахъ [2]), отличаютъ закладчиковъ отъ крестьянъ („крѣстьяне и закладчики“), запрещаютъ закладчикамъ при переписяхъ „называться крестьянами и людьми“ [3]).

До уложенія 1649 г., когда привиллегированныя частно-владѣльскія слободы и церковныя земли были взяты въ тягло, закладчики селились въ такихъ „монастырскихъ, боярскихъ и всякихъ чиновъ людей слободахъ и на церковныхъ земляхъ“, на которыхъ жили „вольные или чьи-нибудь люди и бывшіе посадскіе жильцы“, „всякими торговыми промыслами промышляли, а государевыхъ податей не платили, и службъ не служили, и издѣлей не дѣлали“ [4]). По имущественному и хозяйственному своему состоянію закладчики въ такихъ слободахъ не отличались отъ другихъ частно-владѣльческихъ посадскихъ людей [5]), стоявшихъ въ иныхъ юридическихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ. За занятую подъ строеніе землю, или за занятые дворы, они платили землевладѣльцу оброкъ. Писцовыя книги первой половины XVII в., поименовывая людей, живущихъ на церковныхъ земляхъ въ избенкахъ, пришлыхъ изъ разныхъ городовъ ремесленниковъ, замѣчаютъ, что такіе люди, въ которыхъ нельзя не узнать закладчиковъ, „оброкъ съ земли платятъ попу“ [6]).

---

[1]) См. § 5.

[2]) А. Арх. Эксп., IV, № 32, 36, 158, III, № 188.

[3]) Уложеніе, ст. 19, гл. XIX. Ср. Д. къ А. Ист. VIII, № 48, IV: за Троицкимъ мон. объявилось столько-то крестьянъ и «разныхъ городовъ прихожихъ людей 6 чел. женатыхъ закладчиковъ».

[4]) Изъ ст. 1, 3, 4, гл. XIX Уложенія.

[5]) «Монастырскіе посадскіе люди» которые, однако, отбываютъ нѣкоторыя натуральныя повинности, упоминаются въ А. А. Э., III, № 267 и 321 (1637, 1643).

[6]) Г. Тула, Мат. для ист. гор. Писцовая книга, 1625, с. 9. Тоже г. Бѣлевъ. Мат. для ист. гор. Писцовая, 1624—25 («Да на церковной землѣ живутъ за попомъ бѣлецвы, вольные люди, пришли за попа въ 128 г., наймаются работать», с. 3). Въ писцовыхъ книгахъ упоминаются иногда, «закладчики», живущіе за людьми высшихъ классовъ; архіепископскіе и монастырскіе закладчики»; см. г. Тобольскъ, Мат. для ист. гор.,

Многіе закладчики селились не на особыхъ дворовыхъ мѣстахъ, въ обыкновенныхъ дворахъ и избенкахъ мелкихъ ремесленниковъ, но на боярскихъ дворахъ, имѣвшихъ какое-либо спеціальное назначеніе, удовлетворявшихъ хозяйственнымъ надобностямъ собственника или состоявшихъ въ его личномъ пользованіи. Закладчики, поселявшіеся на такихъ дворахъ съ боярскими хоромами, осадныхъ дворахъ, загородныхъ, монастырскихъ подворьяхъ, „дворахъ для пріѣзду“ и т. под., назывались дворниками, наравнѣ со всякими людьми, крестьянами, холопами и наймитами, жившими на такихъ дворахъ; дворниками назывались не только люди, жившіе на дворахъ этого рода, для ихъ „обереганья“, но и для самостоятельнаго занятія промысломъ и торговлей. Статья уложенія, запрещающая господамъ держать на своихъ дворахъ болѣе двухъ дворниковъ, очевидно, направлена противъ закладчиковъ, нерѣдко въ большомъ числѣ тѣснившихся на господскихъ дворахъ, подъ видомъ, или въ качествѣ дворниковъ. Не останавливаясь въ настоящую минуту на этихъ вопросахъ [1]), я ограничусь ссылкою на писцовую книгу г. Серпухова, прямо указывающую на отмѣченную мною разницу между закладчиками вообще и закладчиками-дворниками. При отпискѣ патріаршихъ закладчиковъ, въ этой книгѣ, по свидѣтельству г. Симсона, сказано, что „бо́льшая часть ихъ называла себя дворниками, на самомъ же дѣлѣ жила не на патріаршемъ дворѣ, а по избамъ порознь“ [2]).

Закладчиками-кліентами, далѣе, слѣдуетъ признать и тѣхъ лицъ, которые, задаваясь за господина (не нанимаясь и не продаваясь въ рабство), находили себѣ пріютъ среди дворовыхъ людей господина, на его дворѣ съ челядью, для личныхъ услугъ или непосредственной работы на него. Такіе „добровольные люди“, „добровольные послужильцы“, „вольные холопы“ отнюдь не были холопами-рабами, потому что госпо-

---

с. 5, 6.—Въ Серпуховѣ отписаны были въ посадѣ, въ 1649 г., люди, жившіе за патріархомъ и за монастыри и за бояры и за окольничими въ закладчикахъ» и рядомъ съ ними люди, «жившіе въ бобыляхъ и за попами» (повидимому, тоже закладчики). Симсонъ, Ист. гор. Серпухова, с. 196. Закладчики на церковныхъ земляхъ называются иногда бобылями. См. Бѣлевъ, Мат., с. 5 и др.

[1]) Данныя писцовыхъ книгъ и актовъ вполнѣ подтверждаютъ, по моему мнѣнію правильность опредѣленія дворничества, предложеннаго С. Ѳ. Платоновымъ: «Дворничество само по себѣ въ XVI в. могло быть только фактическимъ занятіемъ, не будучи юридическимъ состояніемъ. ... Зависимость могла быть только фактической или же она вытекала изъ условій, постороннихъ дворничеству: изъ холопьей кабалы, изъ крестьянской порядной, изъ закладнической сдѣлки». Ж. М. Н. Пр. 1890, № 5, с. 152. Таже мысль въ менѣе опредѣленной формулировкѣ одновременно высказана А. С. Лаппо-Данилевскимъ, op. cit., с. 146—147. Мнѣніе о дворничествѣ И. Н. Миклашевскаго, Къ ист. хоз. быта Моск. госуд., ч. I, с. 100,101,—представляетъ собою шагъ назадъ.

[2]) П. Симсонъ, Ист. гор. Серпухова, с. 196.

динъ не имѣлъ на нихъ права распоряженія, составляющаго существенный признакъ рабства. Ихъ отношенія къ господину были именно добровольной и временной, закладнической зависимостью [1]). Такая вольная служба была очень распространеннымъ явленіемъ: вольные холопы иногда очень долго, 5—20 лѣтъ служили господамъ, не продаваясь въ рабство [2]); они сохраняли право уйти отъ господина, право отказа, и уходили при первомъ же покушеніи на ихъ свободу: одинъ изъ такихъ закладчиковъ заявлялъ, что онъ „послужилъ у Михайла Лагорева съ полгоду добровольно, и Михайло хотѣлъ его окабалить, и онъ отъ него сшелъ“ [3]). Правительство не признавало такого вольнаго холопства, какъ и всякаго другого вида закладничества. Въ 1551 г. государь указалъ: господамъ, у которыхъ служили „добровольные люди“, на тѣхъ людей суда не давати, „а что у него пропало, то у себя самъ потерялъ, того для, что добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости“ [4]). Такую добровольную службу несли нерѣдко вольноотпущенные люди, „холопы съ отпускными“, также преслѣдуемые за это правительствомъ [5]). Въ вольное холопство закладывались нерѣдко бѣдные люди, для пропитанія, малолѣтніе и взрослые нищіе и бродяги [6]). Въ исторіи западно-европейскаго патроната тоже извѣстны такіе закладчики, „qui se commendent parce qu'ils n'ont de quoi se nourrir et vêtir“, которые „obsequuntur divitibus causa saturitatis“ [7]).

9. Теперь я перейду къ обзору законодательной борьбы съ той формой закладничества, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ этой главѣ, закладничества—поселенія на частновладѣльческой землѣ.

Впервые было оно воспрещено въ серединѣ XVI вѣка, статьей 91 Царскаго Судебника 1551 г. Статья эта въ обычно цитируемой ея редакціи, по Строевскому списку, изложена весьма сбивчиво, но смыслъ

---

[1]) Неволинъ безъ всякаго основанія усматриваетъ въ добровольныхъ холопахъ—«добровольныхъ наймитовъ». Op. cit. III, § 462, с. 202. Отношенія найма регулируются въ законодательствѣ особыми постановленіями и совершенно иначе. Ср. Ц. Суд., ст. 83. Затѣмъ какіе это добровольные наймиты, точно не всякая сдѣлка найма есть добровольное соглашеніе?

[2]) См. мою статью «Люди кабальные и докладные», loco cit.

[3]) Новгор. кабальныя книги, 7108, с. 28. Р. Ист. Библ., т. XIV. — Добровольные люди уходятъ, какъ и крестьяне, съ отказомъ и безъ отказу: см. Ук. кн. вѣд. казнач., № IV, l. cit., с. 5.

[4]) Ук. кн. вѣд. казнач., № IV, 7064, окт. 11. Узаконеніе это почти безъ измѣненій вошло въ уложеніе 1649 г., ст. 17, гл. XX.

[5]) Ук. кн. вѣд. казнач., № V, п. 16 (1556), № VIII (1558). «Съ отпускною у того государя не служити».

[6]) См. данныя изъ кабальныхъ книгъ въ вышеуказанной моей статьѣ.

[7]) F. de Coulanges, op. cit., с. 245 и гл. XII.

ея уясняется болѣе правильнымъ чтеніемъ, даваемымъ большею частью другихъ списковъ; она должна читаться, повидимому, такъ: „а торговымъ людемъ городскимъ въ монастыряхъ и въ монастырскихъ городскихъ дворахъ не жити; а которые торговые люди учнутъ жити въ монастыряхъ и тѣхъ съ монастырей сводити, да и намѣстникомъ ихъ судити. А на монастыряхъ жити нищимъ, которые питаются отъ церкви Божіей“ [1]). Это первое общее запрещеніе торговымъ людямъ закладываться за монастыри, поселяясь на монастырскихъ бѣлыхъ земляхъ и дворахъ. Въ связи съ этой статьей находится ст. 59, воспрещающая закладничество церковное: „а которая вдовица питается отъ церкви Божіей, а живетъ своимъ домомъ, ино то судъ не святительскій“.

Въ поясненіе указанной статьи судебника можно указать еще нѣсколько частныхъ распоряженій правительства, преслѣдующихъ ту же цѣль и относящихся къ тому же 1551 г. Въ XIV, XV и въ первой половинѣ XVI в., великіе князья, давая монастырскимъ дворамъ въ городахъ обычныя привиллегіи въ отношеніи суда и налоговъ, обѣляютъ эти дворы безусловно; дѣйствіе жалованной обѣльной грамоты распространяется на всѣхъ лицъ, сколько бы ихъ монастырь ни поселилъ на своемъ дворѣ („кто у нихъ имеетъ жити въ томъ дворѣ людей“, или „кого въ городѣ посадитъ“). Но въ 1551 г. государь, подтверждая жалованныя грамоты, данныя ранѣе монастырямъ на городскіе дворы, ограничиваетъ ихъ дѣйствіе по отношенію къ лицамъ, живущимъ на этихъ дворахъ; очевидно, предупреждая закладничество, правительство опредѣляетъ, что только одно или два лица („дворника“), живущіе на этихъ дворахъ, будутъ впредь пользоваться привиллегіями суда и дани [2]).

Въ 1584 г. указанное узаконеніе Судебника было подтверждено въ иной терминологіи и формѣ: запрещеніе направлено было противъ господъ, принимавшихъ закладчиковъ, и распространено было, кромѣ церковныхъ, также и на свѣтскія земли. Во второй соборной грамотѣ

---

[1]) См. А. Истор. I, № 153, примѣчанія. Списки Сійскаго монастыря и Софійской библіотеки XVI, XVII в., №№ 1, 2, 11 — 16, 19, отчасти №№ 5 и 8. «Въ монастыряхъ, городскихъ дворахъ не жити», прочее правильно въ спискѣ канцеляриста Попова, ст. 90; изд. Башилова, 1768.

[2]) Ср. жалованную грамоту Троицкому монастырю на дворы у Соли, 1543 г. и ея подтвержденіе 1551 г.: А. Арх. Экп. I, № 200. «А кто у нихъ въ томъ ихъ дворѣ, опричь одного человѣка дворника, учнетъ жити, и тѣмъ людемъ всякія подати давать съ черными людьми ровно и волостели ихъ Ряполовскіе и тіуны судятъ, какъ иныхъ черныхъ людей». Привиллегіи распространяются только на двухъ дворниковъ въ подтвержденіяхъ (1551 г.) жалованныхъ грамотъ 1534 г. на Троицкіе осадные дворы въ Суздалѣ и Костромѣ и дворъ въ Дмитровѣ: А. А. Э. I, № 179. Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, № 43, стр. 45.—Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ не рѣшается, однако, на такую мѣру; см. А. А. Э. I № 273 (1566 г.).

объ уничтоженіи тархановъ сказано слѣдующее: „и въ закладчикахъ за собою торговыхъ людей, съ которыхъ идутъ царскія дани, какъ отъ священныхъ, такъ и отъ мірскихъ царскаго синклита не держати“ [1]). Поступаясь своими правами, духовный соборъ не забылъ при этомъ случаѣ и свѣтскихъ держателей закладчиковъ, — „мірскихъ царскаго синклита“. Мотивъ этого постановленія указанъ въ тѣхъ же грамотахъ; то, что сказано въ нихъ о крестьянахъ, вышедшихъ за помѣщиковъ, должно быть отнесено и къ торговымъ людямъ закладчикамъ: они вышедъ съ посаду, „живутъ за тарханы во льготѣ и отъ того великая нищета пріиде“ торговымъ людемъ.

10. Болѣе энергичная борьба съ закладничествомъ началась послѣ смутнаго времени и неослабно велась впродолженіе всего XVII вѣка. Въ 1619 г. сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ прикрѣпленію посадскихъ людей по мѣсту ихъ жительства и тѣмъ самымъ и къ уничтоженію закладничества. Соборъ приговорилъ произвести перепись городовъ и вмѣстѣ съ возвращеніемъ на старыя мѣста посадскихъ людей, переселившихся изъ одного города въ другой, возвратить въ посады всѣхъ, „заложившихся за бояръ, за монастыри и за всякихъ людей, и отдать ихъ на крѣпкія поруки съ записьми“, во избѣжаніе новаго ихъ выхода изъ посада. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ лицъ, державшихъ за собою закладчиковъ, велѣно было взыскать недоимки, накопившіяся на этихъ послѣднихъ со времени выхода ихъ изъ тягла [2]).

Черезъ двадцать лѣтъ было сдѣлано новое распоряженіе о закладчикахъ, опять строгое по отношенію къ патронамъ. Указомъ 12 сентября 1638 г. порученъ былъ кн. П. А. Репнину и дьяку Минѣ Грязеву общій сыскъ и возвращеніе лицъ, заложившихся со времени воцаренія Михаила Ѳедоровича. Въ указѣ этомъ не говорилось о взысканіи недоимокъ бѣглыхъ посадскихъ съ господъ, но повелѣно было „хоромы, которые они ставили, живучи за тѣми людьми, отдавать съ мѣсты и съ животы имъ закладчикомъ“ [3]). Возвращенные въ посадъ тяглецы строились на посадѣ подъ надзоромъ особыхъ „свозчиковъ“, которые жили по городамъ втеченіе трехъ лѣтъ: тѣхъ изъ закладчи-

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог. I, № 202, с. 595. Въ соборномъ приговорѣ о тарханахъ 1580 г. этой статьи о закладчикахъ нѣтъ. Idem. № 200. О смыслѣ слова «закладни» въ этихъ грамотахъ см. главу III.

[2]) Книги разрядныя т. I, с. 613 (1619 г.). Окружныя грамоты объ этомъ соборномъ постановленіи въ Новгородъ и въ Галичъ: С. Гос. Гр. и Дог. III, № 47 и А. Арх. Экп. III, № 105. О томъ же въ Устюжну, 1623 г.: А. А. Э. III, № 141.

[3]) Этотъ указъ приведенъ въ ц. грамотѣ къ воеводѣ суздальскому 1638 г. А. А. Э. III, № 279.

ковъ, которые не нашли себѣ „поручниковъ въ житьѣ и въ дворовомъ строеніи“, сажали въ тюрьму. Въ 1642 г. сидѣвшіе въ тюрьмахъ закладчики были выпущены съ угрозой большого наказанья и ссылки въ Сибирь, если они „сбѣгутъ и жити и строиться не учнутъ“ [1]).

Особою строгостью отличаются постановленія уложенія 1649 г. о закладничествѣ, выработанныя на соборѣ по челобитьямъ посадскихъ и служилыхъ людей. Закладывавшимся посадскимъ грозилъ, по этому уложенью, кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; лицъ, принимавшихъ за себя закладчиковъ, ждала великая опала и конфискація тѣхъ земель, на которыхъ они поселятся. Отчасти для пресѣченія закладничества въ корнѣ, принята была рѣшительная мѣра, отписка на государя частно владѣльческихъ слободъ и деревень „стоявшихъ въ рядъ съ посады“ [2]). Противъ закладничества косвеннымъ образомъ направлена была и статья Уложенія о дворничествѣ. Уложеніе приказываетъ господамъ держать на загородныхъ дворахъ и огородахъ холоповъ, и только въ случаѣ неимѣнія людей, разрѣшаетъ держать въ дворникахъ по одному крестьянину или бобылю на дворѣ. Всѣ лишніе дворники, даже крестьяне, записанные за вотчинниками въ писцовыхъ книгахъ, тѣмъ болѣе дворники - закладчики, берутся въ тягло [3]).

Но указанныя угрозы уложенія не остановили бѣгства посадскихъ людей отъ непосильнаго тягла на частно-владѣльческія земли, подъ оборону бѣломѣстцевъ. Онѣ къ тому же, повидимому, не исполнялись. При массовомъ движеніи посадскихъ людей въ закладчики, наказаніе лицъ, провинившихся въ этомъ, ссылкою на Лену шло бы въ разрѣзъ съ цѣлью, поставленной уложеніемъ, возвращеніемъ посадскихъ на старыя ихъ мѣста. Въ 1667 г. правительство не примѣняло этихъ наказаній даже къ рецидивистамъ закладчикамъ, отписаннымъ на прежнія тяглыя мѣста и вновь вышедшимъ за бѣломѣстцевъ, и ограничивалось вторичнымъ возвращеніемъ въ посадъ такихъ „отписныхъ“ закладчиковъ [4]).

Въ 80-хъ годахъ въ политикѣ московскаго правительства, относившейся къ борьбѣ съ выходомъ земли и людей изъ тягла, замѣчается нѣкоторое колебаніе. Правительство какъ бы убѣждается въ своемъ безсиліи искоренить личное закладничество путемъ возвращенія бѣглыхъ посадскихъ въ мѣста ихъ приписки, и закладничество тяглой земли путемъ

---

[1]) Этотъ указъ 11 апр. 1642 г. въ грамотѣ сузд. губному старостѣ, А. А. Э. III, № 311.

[2]) Уложеніе, ст. 7, 8, 9, 13 гл. XIX. Челобитья и особые указы по нимъ 1648 г., ноября 13, 25, дек. 18, въ А. А. Э. IV, № 32. Ц. грамота во Владиміръ объ исполненіи постановленій уложенія: А. Ист. IV, № 29.

[3]) Ст. 14, гл. XIX.

[4]) Указъ свіяжскому воеводѣ: А. Э. IV, № 158.

конфискаціи ея у бѣломѣстцевъ. Главныя усилія направляются теперь на привлеченіе въ тягло бѣломѣстцевъ вмѣстѣ съ лицами, за нихъ заложившимися. Землю, перешедшую въ руки бѣломѣстцевъ, правительство оставляетъ за ними, подъ условіемъ платить съ нея тягло [1]). Точно также указами 1688—1693 г.г. правительство предписываетъ воеводамъ нѣкоторыхъ городовъ (Новгорода, Ярославля, Вологды) оставлять „помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ, властелинскихъ и монастырскихъ закладчиковъ, крестьянъ, бобылей и захребетниковъ", пришедшихъ сюда изъ другихъ городовъ съ 1649 по 1684 г.,— на новыхъ мѣстахъ поселенія, съ обязательствомъ „службы служить и тягло всякое платить съ городскими посадскими людьми въ рядъ" [2]).

Но правительство не могло, конечно, совершенно отказаться отъ возвращенія бѣглыхъ. Въ 1698 г. воеводѣ одного изъ только-что указанныхъ городовъ (Ярославля) приказано было „учинить заказъ крѣпкой", чтобъ никто не принималъ и не держалъ бѣглыхъ служилыхъ и тяглыхъ людей и велѣно было отсылать такихъ бѣглыхъ въ ихъ города съ приставами [3]). Борьба съ закладничествомъ посадскихъ людей продолжается до царствованія Петра Великаго. Въ 1714 году имъ изданъ былъ указъ, повторяющій прежнія распоряженія о закладчикахъ. Указъ этотъ говоритъ, что многіе купецкіе люди, „вышедъ изъ слободъ и отбывая податей и уклоняясь отъ службъ", живутъ на загородныхъ дворахъ у бѣломѣстцевъ, и повелѣваетъ такихъ людей съ тѣхъ дворовъ вернуть назадъ въ слободы [4]).

11. Прослѣдивъ узаконенія о закладчикахъ, я остановлюсь теперь на узаконеніяхъ о закладѣ тяглыхъ дворовъ, чтобы, путемъ сравненія тѣхъ и другихъ, выяснить, что личное закладничество не имѣло никакой прямой связи съ закладомъ дворомъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, касающихся закладничества, мы находимъ не только тѣсное сближеніе „личнаго заклада" (какъ обыкновенно опредѣляютъ закладничество) съ закладомъ недвижимостей, но и полное смѣшеніе весьма различныхъ по содер-

---

[1]) Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 314, с. 267.

[2]) А. Ист. V, № 226. Грамота новгор. воеводѣ 1693 г., ноября 8; въ текстѣ ея излагаются указъ въ Ярославль, 197 г., Окт. 12 и въ Вологду, 197 г., 11 іюля, о томъ же, по челобитью земскаго старосты и всѣхъ посадскихъ людей. (Любопытно, что по указамъ 197 г. не возвращаются помѣщикамъ даже ихъ бѣглые крестьяне, вышедшіе по 193 г. (!): «въ искахъ помѣщикамъ отказывать для того, что они не били намъ челомъ многіе годы».— Возстановленіе урочныхъ лѣтъ).

[3]) П. С. З. III, № 1.650, с. 488.

[4]) П. С. З. V, № 2.794, с. 69. См. нашу книгу: Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, с. 126, 127.

жанію узаконеній, относящихся къ этимъ двумъ явленіямъ. Такъ, А. С. Лаппо-Данилевскій говоритъ слѣдующее: „личный закладъ могъ замѣниться реальнымъ, если заемщикъ представлялъ кредитору въ видѣ обезпеченія свою движимую или недвижимую собственность; въ такомъ случаѣ личный рискъ смѣнялся имущественной отвѣтственностью". На дальнѣйшихъ страницахъ книги названнаго автора, посвященныхъ закладничеству—личному закладу, рѣчь идетъ исключительно о реальномъ закладѣ тяглыхъ дворовъ бѣломѣстцахъ: въ примѣчаніяхъ указываются безразлично узаконенія какъ о „закладчикахъ", такъ и о закладѣ дворовъ. Словомъ „закладчикъ" А. С. Лаппо-Данилевскій, подобно Неволину [1]), обозначаетъ зологодателей, лицъ, закладывавшихъ свои дворы [2]). П. Н. Милюковъ, съ своей стороны, въ извѣстной обстоятельной рецензіи на книгу г. Лаппо-Данилевскаго не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на указанныя разсужденія послѣдняго; онъ указалъ лишь на болѣе послѣдовательный выводъ изъ его фактическаго изложенія, оставивъ въ сторонѣ личный залогъ, и опредѣлилъ закладничество исключительно какъ закладъ реальный. „Закладничество,—говоритъ г. Милюковъ,—то-есть, залогъ и отчужденіе недвижимаго имущества, представляется выходомъ изъ тягла въ томъ случаѣ, если тяглый участокъ переходитъ по закладной къ бѣломѣстцу" [3]).

Грамоты, цитированныя мною ранѣе, никоимъ образомъ не допускаютъ такого смѣшенія закладничества съ закладомъ недвижимостей; оно возникало въ XVII в., какъ я говорилъ, изъ поселенія лица на частновладѣльческой землѣ и не имѣло никакой связи съ закладомъ тяглыхъ дворовъ. Съ замѣчательной послѣдовательностью всѣ главнѣйшія узаконенія называютъ лицъ, закладывавшихъ свои дворы, заимщиками, отличая ихъ тѣмъ отъ закладчиковъ [4]).

Узаконенія, касающіяся заклада тяглыхъ участковъ, замѣчу далѣе, составляютъ особый рядъ распоряженій, параллельный распоряженіямъ о личномъ закладничествѣ. Закладъ тяглыхъ дворовъ, одновременно съ продажей и другими способами отчужденія ихъ въ руки бѣломѣстцевъ, воспрещенъ былъ въ 1621 г.; затѣмъ, въ 1634 г. указано было бить кнутомъ тяглыхъ людей за закладъ и продажу дворовъ бѣломѣстцамъ [5]). Наказаніе за закладничество опредѣлено было впервые въ уложеніи 1649 г. и притомъ сразу болѣе суровое: кнутъ и ссылка на Лену

[1]) Ист. росс. гражд. зак. т. II, § 314.

[2]) Организ. прямого обложенія, с. 150—157.

[3]) Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. госуд., с. 88.

[4]) См. выше, § 5.

[5]) А. Ист., т. III, № 92. IX, XXV.

одновременно. За закладъ же дворовъ бѣломѣстцамъ посадскіе, по уложенію, наказывались по прежнему только торговою казнью, безъ ссылки въ Сибирь. За пріемъ на свои земли закладчиковъ вотчинникамъ грозила великая опала и конфискація земель; за пріобрѣтеніе же тяглыхъ дворовъ по купчимъ и закладнымъ бѣломѣстцы наказывались только безденежнымъ возвращеніемъ дворовъ въ сотни. При этомъ личное закладничество воспрещается безусловно; закладъ же дворовъ, собственно говоря, не преслѣдуется; строго воспрещается лишь отчужденіе тяглыхъ дворовъ въ руки бѣломѣстцевъ, или ихъ людей и крестьянъ по просроченнымъ закладнымъ [1]).

То личное закладничество, о которомъ говорятъ спеціально ему посвященныя узаконенія, не имѣло, такимъ образомъ, никакой связи съ сдѣлками заклада тяглыхъ участковъ. Правительственные акты подъ закладчиками разумѣютъ лицъ, уходящихъ изъ посада на частновладѣльческія земли, а не лицъ, заложившихъ самихъ себя вмѣстѣ съ своими дворами, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Закладъ двора не былъ связанъ съ переходомъ лица, дворовладѣльца, во власть залогопринимателя. Продавъ свой дворъ, или заложивъ и просрочивъ, посадскій человѣкъ обыкновенно не оставался жить на этомъ дворѣ въ качествѣ зависимаго лица отъ новаго дворовладѣльца. По свидѣтельству челобитной 1635 г. [2]), на дворахъ и дворовыхъ мѣстахъ, заложенныхъ и перешедшихъ въ собственность бѣломѣстцевъ, „живутъ и строятся всякихъ чиновъ люди..., а тѣ люди, которые закладываютъ, изъ сотенъ, изъ слободъ и изъ тягла бредутъ розно“ [3]).

---

[1]) Ср. въ XIX гл. ст. 13, 16, 39. Дальнѣйшія узаконенія о закладѣ дворовъ обстоятельно изложены Неволинымъ. Н. Загоскинъ провѣрилъ всѣ ссылки Неволина См. ст. «О правѣ владѣнія город. дворами» въ Изв. Каз. унив. 1877 г., т. XIII, с. 52—58.

[2]) Уст. кн. земскаго приказа, № XXIII.

[3]) Я упоминалъ выше, что изслѣдователи, видящіе въ закладничествѣ личный закладъ, не указываютъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, никакихъ источниковъ. А. С. Лаппо-Данилевскій, утверждая, что закладничество было «обезпеченіемъ займа личною службой», ссылается единственно на служилую кабалу 1596 г. (А. Ю. № 252) и на Акты гр. расправы Ѳедотова-Чеховскаго, №№ 25, 75, 91, въ которыхъ, между прочимъ, читаемъ: «а заложилъ ту деревню дѣдъ мой Микита, а за ростъ было имъ (залогопринимателямъ) та деревня пахати» (с. 24). Въ этихъ актахъ можно найти только указанія на закладъ-отчужденіе пожень и деревень... (Закладныя кабалы на недвижимости, №№ 75, 91, 116, 121, стр. 211, 212, 256 и др.). Точно также, какъ указаніе на эти акты, для меня не вполнѣ понятна и ссылка А. С. Лаппо-Данилевскаго (въ томъ же примѣчаніи 3 на стр. 150, op. cit.) на грамоту о закладѣ полдеревни, напечатанную Н. Румовскимъ, въ Описаніи Великоустюжскаго собора, № 4, с. 107. Эта грамота (1543) очень интересна по сложности сдѣлки, хотя не имѣетъ никакого отношенія къ личному закладничеству: нѣкто Морозъ закладываетъ свою деревню Исаю Теребину на 20 лѣтъ и одновременно передаетъ свое право собственности на нее (даетъ ее на вкладъ) попамъ собора. (Она любопытна еще тѣмъ, что окончательно уясняетъ значеніе слова закупъ въ XVI в.: въ

II. Закладные люди.

12. Оспаривая обычное пониманіе закладничества, какъ личнаго заклада, я, однако, отнюдь не утверждаю, что личный закладъ-залогъ былъ вообще чуждъ русскимъ людямъ въ XVI, XVII вѣкахъ. Сдѣлки займа съ залогомъ лица, несомнѣнно были очень распространены въ указанное время и для нихъ выработаны были особыя формы актовъ.

Въ XVI вѣкѣ состояніе личнаго заклада опредѣлялось „служилой кабалой". Должникъ по такой кабалѣ, въ первоначальной ея формѣ, обязывался служить во дворѣ кредитора, до уплаты долга, дѣлаясь зависимымъ отъ него лицомъ и, такимъ образомъ, какъ говорятъ о закладчикахъ, именно обезпечивалъ уплату займа личнымъ закладомъ, отдавая въ залогъ свою свободу. Указомъ 1597 г. такія сдѣлки личнаго заклада были превращены въ сдѣлки самопродажи въ холопство до смерти господина.

Но старый институтъ, вопреки закону, вновь возраждается въ XVII вѣкѣ. „Когда служилая кабала,—замѣчаетъ проф. Ключевскій,—утратила характеръ заемнаго служилаго обязательства, для такихъ обязательствъ выработался особый родъ крѣпостей, получившихъ названіе жилыхъ или житейскихъ записей" [1]). Одинъ видъ такихъ жилыхъ записей былъ, повидимому, совершенно тожественъ съ древнѣйшей служилой кабалой: это „записи за ростъ служити", о которыхъ упоминаетъ уложеніе [2]). Отъ заемныхъ жилыхъ записей, съ обязательствомъ службы за ростъ, не отличаются ссудныя жилыя записи. Безпроцентная ссуда не можетъ быть отличаема отъ того займа, проценты съ коего погашаются работой; въ обоихъ случаяхъ заемщикъ одинаково служитъ кредитору, до уплаты долга, называетъ-ли онъ или нѣтъ свою работу „службой за ростъ" и одинаково освобождается отъ обязательства съ уплатой полученныхъ денегъ, какъ онъ ихъ ни называетъ, ссудой или займомъ [3]). Заемныя и ссудныя жилыя записи XVII в., также какъ служилыя кабалы XVI в., можно разсматривать какъ сдѣлки личнаго заклада. Въ одной изъ заемныхъ кабалъ, заемщикъ прямо заявляетъ, что онъ обязуется жить и служить во

ней этимъ словомъ обозначается закладъ, а самая грамота называется одними изъ подписавшихъ ее лицъ закладной, а другими закупной).

[1]) Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи. «Русская Мысль», 1885, № 8, с. 30

[2]) Ст. 39 гл. XX, ст. 116 гл. XX («житейскія записи»), ст. 43 (о повидимому фиктивныхъ «записяхъ съ написанными въ нихъ на человѣка заемными деньгами»).

[3]) Въ жилыхъ записяхъ стирается то отличіе безпроцентной ссуды отъ процентнаго займа, на которомъ напрасно настаиваетъ Н. Н. Дебольскій, Журн. Мин. Нар. Пр., 1895, ноябрь. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ.

дворѣ кредитора, до расплаты, вмѣсто поруки, взамѣнъ какого-либо другого обезпеченія долга [1]).

Одинъ родъ наемныхъ записей также ставилъ наймитовъ въ положеніе, фактически не отличавшееся отъ состоянія личнаго заклада, это заживныя жилыя записи. Онѣ должны быть отнесены къ договорамъ найма, такъ какъ въ нихъ включалось опредѣленіе сторонами цѣны найма, рядной платы и срокъ сдѣлки. Но наймитъ по такой записи получалъ рядную плату впередъ за нѣсколько лѣтъ и обязывался работать на господина „въ зажив“. Плата, полученная впередъ, за 10—15 лѣтъ, составляла значительную сумму денегъ и надолго ставила наймита въ положеніе неоплатнаго должника, закрѣпощеннаго господину непогашеннымъ займомъ. Бѣляевъ [2]) справедливо относитъ такихъ людей, „въ которыхъ характеръ должниковъ соединялся съ характеромъ наймитовъ“, къ разряду „полусвободныхъ людей“. Въ XVII в. наемную плату, взятую за нѣсколько лѣтъ впередъ, нерѣдко разсматривали какъ заемъ, который погашается работой, и записи указаннаго характера называли „заемными жилыми записями или кабалами“ [3]). Въ то время сдѣлки этого рода сближали также съ личнымъ закладомъ: въ переписныхъ книгахъ г. Вятки упоминаются „закладные срочные работники“ и „срочные работники, живущіе по закладной записи“ [4]).

Существенный признакъ всѣхъ этихъ жилыхъ или житейскихъ записей, заемныхъ, ссудныхъ и заживныхъ, который позволяетъ намъ видѣть въ нихъ договоръ личнаго заклада, заключается въ обязательствѣ должника, до уплаты или погашенія долга работой, жить во дворѣ господина и при этомъ обыкновенно „всякую работу работать“ и „господина, жену и дѣтей его слушать и почитать“.

Уложеніе вполнѣ признаетъ всякія сдѣлки такого рода [5]); оно ограничиваетъ только составленіе жилыхъ записей на тяглыхъ людей. Захребетники тяглыхъ людей (ихъ дѣти, братья и племянники) могли

---

[1]) Акты отн. до юрид. быта, II, № 127, XX (1694).

[2]) «Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ др. Россіи», въ Арх. ист. и практ. свѣд., 1859, кн. 2, с. 102.

[3]) Акты отн. до юр. быта, т. II, № 127, XIX. (М. Дмитріевъ обязуется за занятыхъ 30 р. работать 8 лѣтъ съ женой; 1697). Арх. ист. и практич. свѣдѣній 1859, кн. 2: заемная жилая запись 1686. Ср. idem 1858, кн. I, с. 89 — 90. Въ одной «служилой записи» человѣкъ обязуется работать 15 лѣтъ за «взятыя» деньги. Акты отн. до юр. быта, II, № 127, XV (1686).

[4]) Вятка. Мат. для ист. города. Перепись 1678 и Сказки гор. Хлынова, 1721, с. 44 и 120.

[5]) Ст. 44, гл. XX.

давать на себя жилыя записи нетяглымъ людямъ только на пять лѣтъ [1]). Крестьяне и бобыли могутъ „наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей", но на нихъ нельзя брать „жилыхъ и ссудныхъ записей", равно какъ и служилыхъ кабалъ [2]).

13. Наконецъ, въ XVII в. былъ въ обычаѣ и личный залогъ не по существу только, но и по формѣ сдѣлки. Но люди, заложившіе самихъ себя или заложенные другими, назывались не закладчиками, а закладными людьми и актъ заклада лица закрѣплялся закладной кабалой. Сдѣлки этого рода распространены были, какъ кажется, исключительно на татарскомъ востокѣ, въ Поволжьѣ и въ Сибири. О закладныхъ людяхъ—заимщикахъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, жившихъ въ закладѣхъ по закладнымъ кабаламъ, говорятъ вполнѣ опредѣленно только наказы воеводамъ поволжской области, въ города Астрахань, Черноярскъ и Уфу [3]), отчасти также и грамоты, относящіяся къ Сибири. Татары и другіе инородцы закладывали, какъ самихъ себя, такъ и своихъ женъ и дѣтей; подъ вліяніемъ татаръ сдѣлки этого рода вошли въ употребленіе и среди мѣстнаго русскаго населенія. Въ центральной Россіи сдѣлки заклада людей, если только онѣ совершались [4]), были мало распространены. Патріархъ Филаретъ въ грамотѣ къ сибирскому архіерею говоритъ о случаяхъ „заклада въ деньгахъ на сроки" сибирскими служилыми людьми своихъ женъ со всѣми связанными съ такимъ закладомъ безнравственными послѣдствіями, какъ о необычномъ на Руси явленіи, свидѣтельствующемъ объ особомъ развращеніи нравовъ въ Сибири [5]).

---

[1]) Ст. 116, гл. XX. Тяглымъ людямъ, надо полагать, совсѣмъ нельзя было, по закону, давать на себя жилыхъ записей, потому что они такимъ путемъ выходили бы изъ тягла («живутъ по наемнымъ жилымъ записямъ въ работѣ, въ наймѣхъ, а не въ тяглѣ»: П. С. З., III, № 1471, с. 159) Опредѣленіе жилой записи, даваемое А. С. Лаппо-Даниловскимъ, представляется мнѣ не вполнѣ правильнымъ: «жилецкая запись, — говоритъ онъ,—какъ извѣстно (?), отличалась отъ служилой кабалы тѣмъ, что имѣла юридическое значеніе на небольшой произвольный промежутокъ времени, ограниченный въ уложеніи пятью годами (?), не сохраняла, слѣдовательно, подобно второй, значенія до смерти господина и иногда осложнялась выдачею ссуды, погашаемой временною службой», op. cit., с. 148. Въ ст. 44 гл. XX признаются всякія записи и «по животъ», и на урочныя лѣта.

[2]) Ст. 32, гл. XI.

[3]) А. Ист., III, № 213 (1640), IV, № 181 (1665), П. С. З., III, № 1579 (1697), IV, № 1792 (1700).

[4]) Олеарій говоритъ только о случаяхъ заклада несостоятельными должниками своихъ дѣтей. См. В. Ключевскій, op. cit. «Русская Мысль», 1885, № 8, с. 34.

[5]) С. Гос. Гр. и Дог., Ш, № 60, с. 246 (1622). Извѣстная закладная кабала на жену 1679 г., въ А. отн. до юрид. быта, № 126, XIII, написана была также на востокѣ ясачнымъ якутомъ.

У сторонниковъ обычнаго взгляда на закладничество можетъ явиться мысль, что „закладные люди“ это тѣ же „закладчики“, другое восточное названіе однихъ и тѣхъ же заложенныхъ людей. По отношенію къ закладнымъ людямъ мы находимъ въ грамотахъ прямыя указанія на сдѣлки займа съ залогомъ лица; отожествленіе такихъ людей съ „закладчиками“ могло бы дать единственный вѣскій аргументъ въ пользу оспариваемаго мною пониманія закладничества. Неволинъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о закладчикахъ, какъ о должникахъ, обезпечивавшихъ заемъ своею свободой, ссылается безразлично на грамоты, упоминающія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ [1]). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, акты отнюдь не допускаютъ смѣшенія этихъ двухъ различныхъ разрядовъ лицъ.

Наказъ окольничему князю Львову, назначенному воеводой въ Казань, въ 1697 г., содержитъ инструкціи объ отношеніи воеводы какъ къ закладнымъ людямъ, такъ и къ закладчикамъ. Статья 22 наказа, относящаяся къ закладнымъ людямъ, существеннымъ образомъ отличается какъ по своей терминологіи, такъ и по содержанію, отъ ст. 23, говорящей о закладчикахъ. „Въ Казани жъ велѣть учинить заказъ крѣпкой и бирючомъ кликати по многіе дни,—гласитъ первая изъ этихъ статей,—чтобъ казанскіе всякихъ чиновъ люди... всякихъ чиновъ русскихъ людей и вотяковъ и чуваши и черемисы и ихъ женъ и дѣтей... и никакихъ угодьевъ, ни въ какихъ долгѣхъ въ закладъ къ себѣ не имали и ни въ какія крѣпости не писали никоторыми дѣлы. А буде кто учнетъ какихъ всякихъ чиновъ людей въ какія закладныя записи или въ кабалы, или въ иныя какія крѣпости писать, и тѣхъ и ихъ женъ и дѣтей къ себѣ въ закладъ имать, и тѣмъ людемъ, кто такъ учинитъ, за то отъ великаго государя быть въ смертной казни. А закладныя записи и засмныя кабалы и всякія крѣпости отдавать тѣмъ заимщикомъ безденежно... А которые всякихъ чиновъ люди крещеные и некрещеные, а напередъ сего жили и живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей: и тѣмъ людемъ велѣть жить въ тяглѣхъ и въ ясакѣхъ по прежнему и денегъ... по всякимъ крѣпостямъ заимщикомъ платить имъ не велѣно, а истцомъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать и крѣпости всякія у всякихъ людей на закладныхъ людей имать въ приказную палату“.

Слѣдующая статья 23 содержитъ постановленія о закладчикахъ; здѣсь нѣтъ ни одного упоминанія о закладѣ-залогѣ и о закладныхъ кабалахъ. „А которые буде казанскіе и казанскихъ пригородовъ

[1]) Op. cit., § 445, прим. 610.

и иныхъ городовъ пришлые торговые и ремесленные люди нынѣ живутъ въ Казани, и въ казанскихъ пригородѣхъ, и въ селѣхъ, и на посадѣхъ, и въ слободахъ за кѣмъ въ закладчикахъ... и тѣмъ всѣмъ закладчикомъ въ закладчикахъ быть не велѣть, а велѣть тѣмъ всѣмъ закладчикомъ государевы всякія подати платить и службу служить съ посадскими людьми вмѣстѣ... А будетъ изъ за кого возьмутся закладчики и впредь тѣхъ будутъ принимать, или тѣ будутъ закладываться, или за симъ указомъ кто приметъ, чинить наказанье, бить кнутомъ, и тѣ годы, которые въ тѣхъ прогулкахъ подати не взяты, имать на тѣхъ, кто за указомъ сверхъ наказанья ималъ“ [1]).

Эта длинная выписка необходима; она разъясняетъ сразу очень многое. Сравненіе текста этихъ двухъ статей показываетъ, что въ XVII вѣкѣ строго отличали закладчиковъ отъ закладныхъ людей. Если закладными людьми, какъ ясно видно изъ этого наказа, назывались дѣйствительно люди, заложившіе самихъ себя или заложенные, то термины „жить въ закладчикахъ“ и „закладываться“, несомнѣнно обозначали отношенія какого-то совсѣмъ иного порядка, какого именно, объ этомъ раньше шла у насъ рѣчь. По отношенію къ залогу лица, укрѣплявшемуся закладной крѣпостью, правительство естественно обращаетъ главное вниманіе на уничтоженіе силы такихъ крѣпостей, объявляетъ ихъ недѣйствительными и приказываетъ закладныя записи отбирать въ приказную палату. Вторая статья, относящаяся къ закладчикамъ, не говоритъ ни слова о такихъ крѣпостяхъ, точно такъ же, какъ и всѣ другія узаконенія о закладничествѣ; „закладчики“, въ противоположность закладнымъ людямъ, не названы ни разу заимщиками. Самыя наказанія, установленныя за нарушеніе этихъ двухъ различныхъ узаконеній, существенно отличаются одно отъ другого. За держаніе „закладчиковъ“ виновные наказуются кнутомъ, за держаніе же закладныхъ людей-заимщиковъ—гораздо строже, смертною казнью.

Весь ходъ законодательства о закладѣ людей совершенно отличенъ отъ законовъ, касающихся закладчиковъ—задавшихся людей. Во время наиболѣе строгихъ постановленій о закладничествѣ—патронатѣ, (разсмотрѣнныхъ выше), въ 40-хъ годахъ, правительство боролось съ залогомъ лицъ единственно путемъ признанія недѣйствительными закладныхъ кабалъ на „крещеныхъ и некрещеныхъ людей“. Въ 1678 г.

[1]) П. С. З., т. III, № 1597, 1697 г., марта 31, с. 289, 290. Тѣ же «закладныя крѣпости» и «закладные люди заимщики» въ А. Ист., т. III, № 213 и въ другихъ грамотахъ о томъ же предметѣ.

правительство грозило господамъ, виновнымъ въ пріемѣ людей въ залогъ, „великимъ наказаньемъ“, не опредѣляя еще самаго наказанія [1]).

Чрезмѣрно строгая кара за держаніе закладныхъ людей, установленная въ послѣднемъ десятилѣтіи, объясняется тѣмъ, что закабаленіе инородцевъ не было слѣдствіемъ сознательной сдѣлки двухъ сторонъ, какъ на Руси, при самопродажѣ въ рабство или служилую кабалу, но нерѣдко было результатомъ невѣжества инородцевъ и обманной эксплоатаціи ихъ пришлымъ, русскимъ, болѣе культурнымъ населеніемъ. Многія закладныя кабалы „объявлялись нарядныя, а иныя въ посулахъ“. Такое искусственное закабаленіе инородцевъ, обратившее на себя особенное вниманіе московскаго правительства конца XVII вѣка [2]), замѣчалось и въ слѣдующемъ столѣтіи [3]), оно наблюдается и до сихъ поръ повсюду, гдѣ пришлое, торговое и промышленное населеніе сталкивается съ мѣстнымъ, стоящимъ на значительно низшей степени культуры [4]).

III. Закладни удѣльнаго времени.

14. Отъ закладчиковъ XVI—XVII вв. мы перейдемъ къ древнѣйшимъ удѣльнымъ закладнямъ [5]). Я вынужденъ нарушить хронологическій порядокъ изложенія, потому что извѣстія источниковъ удѣльнаго времени о закладничествѣ скуднѣе и неопредѣленнѣе разсмотрѣнныхъ выше позднѣйшихъ данныхъ; только выяснивъ сущность закладничества-коммендаціи при помощи актовъ XVII ст., можно перейти къ изученію закладней XIII—XV вѣковъ.

---

[1]) См. выше.

[2]) Въ XVII в. въ Сибири оно еще не привлекало такого вниманія правительства. Одновременно съ наказомъ казанскому воеводѣ, были написаны въ томъ же 1697 г. два обширные наказа по 40 стр. воеводамъ въ Тобольскъ и Верхотурье; въ нихъ нѣтъ указанныхъ постановленій о закладныхъ людяхъ, но заемныя кабалы и здѣсь должны были быть возвращаемы безденежно должникамъ. П. С. З., III, № 1594, 1595. Въ 1678 г. правительство приказало писцамъ сыскивать въ Сибири «угодья и люди купленые, закладные и вкладу даваны»: А. Ист., V, № 32, с. 50.

[3]) П. С. З., XI, № 8792, п. 6. Донесеніе о Казанской губерніи, с. 917.

[4]) Современный наблюдатель свидѣтельствуетъ объ искусственно поддерживаемой русскими задолженности самоѣдовъ Архангельской губерніи, превращающейся въ настоящую кабалу. Г. Танфильевъ, Извѣстія И. Р. Геогр. Общ., т. XXX, 1894, вып. I, с. 39, 40. Также закабаляютъ менѣе ихъ культурныхъ орочоновъ китайцы въ Уссурійскомъ краѣ. И. Надаровъ, Сѣверно-Уссурійскій край. Спб., 1887, с. 124.

[5]) Терминъ закладень былъ наиболѣе употребительнымъ. Кромѣ того, часто встрѣчается слово закладникъ: С. Г. Гр. и Дог., т. I, №№ 1, 2, 3, 10, 15. Оба эти слова употребляются безразлично въ договорныхъ грамотахъ 1305 г.: №№ 7, 8. Терминъ закладьщикъ встрѣчается только въ № 14 (1318) и № 18 (1426).

Недостатокъ источниковъ не позволяетъ твердо обосновать предлагаемое ниже опредѣленіе закладничества періода удѣловъ; но если это опредѣленіе и должно быть признано въ извѣстной степени гипотетичнымъ, то во всякомъ случаѣ оно, какъ мнѣ кажется, удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ гипотезамъ наукой, и является болѣе обоснованнымъ, чѣмъ общепринятый взглядъ, единственной опорой котораго служитъ неправильное пониманіе термина закладываться.

Какъ мы выяснили выше, этотъ терминъ употреблялся въ древности не въ смыслѣ „отдаваться въ залогъ", какъ думаютъ обыкновенно, но въ смыслѣ „задаваться". Договорныя грамоты князей, изъ которыхъ мы беремъ почти всѣ наши свѣдѣнія о закладняхъ, не только не подтверждаютъ мнѣнія о томъ, что закладни, заложившіеся люди, были людьми, отдавшими себя въ залогъ, но и даютъ нѣсколько свидѣтельствъ противъ этого мнѣнія. Говоря о лицахъ, дѣйствительно, связанныхъ долговыми обязательствами: одерноватыхъ холопахъ, купленныхъ полоняникахъ и пр., княжескіе договоры выражаются вполнѣ опредѣленно на этотъ счетъ, такъ что не оставляютъ никакихъ сомнѣній о характерѣ отношеній такихъ лицъ къ господамъ: „А кто ти ся продалъ пословицею одернь,—читаемъ въ договорахъ,—или будешь серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити, по цѣлованью, а грамоты дерноватыя подрати". „А кто купилъ полоняника и онъ возьметъ цѣну по цѣлованью" [1]). Напротивъ, въ статьяхъ договоровъ, относящихся къ закладнямъ, мы не найдемъ никакихъ указаній на денежныя сдѣлки; князья ограничиваются соглашеніемъ о недержаніи, непріемѣ или отпускѣ закладней, и не упоминаютъ ни о покупкѣ ихъ, ни о закладныхъ грамотахъ, ни о возвращеніи закладнями денегъ, займа.

Если бы закладники были должниками, заложившими самихъ себя въ обезпеченіе уплаты долга, то заимодавцы имѣли бы на нихъ право распоряженія, какъ на купленныхъ людей и всякихъ неоплатныхъ должниковъ. Въ духовныхъ грамотахъ князей мы находимъ ихъ распоряженія о людяхъ „купленыхъ, грамотныхъ, полныхъ"; лишь только возникаетъ институтъ служилой кабалы—личнаго залога, тотчасъ же и въ духовныхъ появляются распоряженія завѣщателей о кабальныхъ людяхъ, кабальныхъ серебряникахъ (№ 112, 1481) [2]). Между тѣмъ, о закладникахъ не говоритъ ни одна изъ духовныхъ грамотъ, несмотря на то, что закладничество было болѣе древнимъ и болѣе распространеннымъ институтомъ.

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 28 (1368). А. Арх. Эксп., т. I, № 14 (1398).

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на грамоты этого тома мы будемъ отмѣчать лишь ихъ № и годъ.

Это вполнѣ понятно, такъ какъ закладничество не было ни рабской, ни кабальной зависимостью, но было зависимостью подданства. На исключительно подданническія отношенія закладней къ князьямъ-патронамъ указываетъ вся относящаяся къ нимъ терминологія договорныхъ грамотъ. Князья не покупаютъ, но принимаютъ и держатъ закладней, такъ же какъ они держатъ города [1]), наконецъ, не отпускаютъ ихъ на волю, но отступаются отъ нихъ. Закладники, съ своей стороны, позоруютъ, къ князю, какъ его подданные, и даже иногда не къ князю лично, но къ городу, какъ къ государству, къ Твери или Кашину.

Для правильнаго пониманія закладничества имѣютъ весьма важное значеніе слѣдующія статьи договора, заключеннаго въ 1295 г. вел. княземъ тверскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ съ Новгородомъ: „А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новъгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду. А кто будеть давныхъ людий въ Торъжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Александрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ“ (№ 4). Вполнѣ очевидно, что закладническая зависимость разсматривается здѣсь договаривающимися сторонами, не какъ зависимость кабальная, но какъ связь подданства, которая гарантируется политическимъ договоромъ; о прекращеніи этой зависимости путемъ частной сдѣлки, путемъ выкупа залогодателя, нѣтъ и рѣчи. О долговыхъ отношеніяхъ лицъ къ князьямъ и боярамъ говорятъ иныя статьи разбираемаго трактата, въ которыхъ идетъ рѣчь о денежныхъ искахъ, о должникахъ и поручникахъ. Постановленія этихъ статей о должникахъ несомнѣнно относятся и къ залогодателямъ (но не къ закладнямъ): мы видѣли, что еще и долгое время спустя, залогодатель назывался должникомъ, заимщикомъ одинаково съ заемщикомъ, не обезпечившимъ долга залогомъ. И эти статьи существеннымъ образомъ отличаются отъ соглашенія о закладняхъ; онѣ, естественно, говорятъ не о подданствѣ должниковъ (и залогодателей), но только о выдачѣ ихъ истцамъ „по исправѣ“ [2]), и о порядкѣ суда по денежнымъ искамъ.

15. Закладываясь—задаваясь за князя другого удѣла, его княгиню, боярина или слугу, человѣкъ оставался жить на своемъ участкѣ земли, но, несмотря на это, порывалъ свою подданническую зависимость отъ

---

[1]) №№ 27, 84 и др. Ср. «держать Ростовъ», № 86, «держати царевича изъ Орды», № 97.

[2]) «А холопы и должники и поручникы выдавати по исправѣ».—«А чего будеть искати мнѣ и моимъ бояромъ и моимъ слугамъ у Новогородьцевъ и у Новоторъжьцевъ и у Волочанъ, а тому всему судъ дати безъ перевода» (№ 4, с. 5).

мѣстной государственной власти. Новгородецъ, задаваясь за тверского князя или его боярина, выходилъ изъ-подъ вѣдомства власти Великаго Новгорода и изъ состава той административной единицы, сотни или погоста, къ которой раньше принадлежалъ, не платилъ налоговъ со своей сотней, освобождался отъ подчиненія мѣстной судебной власти; Новоторжецъ отнимался отъ прежняго своего государя, не тянулъ судомъ и данью къ Торжку. „А кто закладниковъ въ Торжку или индѣ,—говорятъ новгородцы тверскому князю въ договорной грамотѣ,—или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ потягнетъ въ свой погостъ, тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ прочь“ [1]) (1305).

Въ другой грамотѣ 1307 г. между Новгородомъ и тѣмъ же тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, находимъ слѣдующую статью, относящуюся къ закладнямъ [2]): „А кто живетъ къ Торжку, на Новоторжской землѣ, а къ Святому Спасу не тягнетъ къ Торжку, княземъ отъемся, а тии идутъ съ Торжку, куда имъ годно“ (№ 10). Выраженіе этой грамоты „не тянетъ къ Торжку“ указываетъ одновременно на независимость закладника отъ мѣстнаго тягла и суда; какъ видно изъ другихъ грамотъ, терминъ „тянути“ употреблялся для обозначенія какъ податной, такъ и судебной отвѣтственности [3]). На ту же полную независимость закладника отъ мѣстной власти указываетъ другой терминъ цитированнаго текста: отъяться. Отняться отъ князя значило отложиться отъ него, отказаться отъ подчиненія ему, подобно тому, какъ „задаться—заложиться“ значило отдаться въ подданство, въ обладаніе князя, какъ государя. Этими именно словами (задаться и отъяться) пользуются лѣтописцы, разсказывая о подчиненіи князьямъ и отпаденіи отъ нихъ областей. „А князь Василій Юрьевичъ поѣха изъ Новагорода съ Городища на Заволочье, и заволочане задашася за него, а отъ Новгорода отъяшася“ [4]). Право отказа, право возстанія было въ удѣльное время обычнымъ правомъ не только областей, но и отдѣльныхъ лицъ, землевладѣльцевъ. Отдѣльные собственники, также какъ цѣлыя волости, закладываясь—задаваясь за другого князя, отнимались отъ власти прежняго своего государя.

---

[1]) № 7, 1305, id. № 3, 1270.

[2]) Что эта статья относится къ закладнямъ, видно изъ того, что она замѣняетъ цитированную выше статью договора 1305 г.

[3]) «Судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ»: № 40, 1410, и др., см. ниже.

[4]) П. С. Р. Л., III, 111, 1434. Тоже о Двинянахъ, id. IV, 209. Цитир. у А. Никитскаго, Очеркъ внутр. ист. Пскова, с. 82, прим.

Рядомъ съ закладничествомъ отдѣльныхъ лицъ-собственниковъ существовало въ удѣльное время и закладничество селъ, какъ совокупности землевладѣльцевъ. Грамоты говорятъ не о заложенной землѣ, или заложенномъ селѣ, но о „заложившихся селахъ", о „селахъ, зашедшихъ безъ кунъ" за другого князя [1]). По отношенію къ селамъ, князья лишь въ видѣ исключенія пользуются въ договорахъ терминомъ закладываться; договаривающіяся стороны обыкновенно обязуются въ чужихъ владѣніяхъ „селъ не держати, не купити, ни даромъ пріимати" [2]). Это послѣднее обязательство, по всей вѣроятности, направлено именно противъ закладничества селъ. Отдавая даромъ свои села князьямъ, владѣльцы, само собой разумѣется, едва-ли передавали безмездно имъ свои права собственности и пользованія на землю; трудно было бы понять причины распространенности обычая дѣлать такіе подарки князьямъ. Надо полагать, владѣльцы селъ сохраняли свои частныя права на нихъ, и только закладывались за князей другого удѣла, отдавались въ подданство князьямъ, подъ ихъ покровительство, вмѣстѣ со своими селами. Когда князья говорятъ, что они не будутъ принимать даромъ селъ чужого удѣла, они обязуются не принимать такихъ селъ въ свое обладаніе, въ свое подданство. Тотъ же смыслъ имѣетъ обязательство князей „не держать селъ" въ чужихъ удѣлахъ. Что касается пріобрѣтенія селъ чужого удѣла въ частную собственность, то оно воспрещается особымъ соглашеніемъ: „селъ не купити". Точно такъ же, какъ въ удѣльной Россіи, закладничество селъ (vicus) практиковалось и въ римской имперіи, въ IV вѣкѣ. Законъ 395 г. воспрещаетъ коммендацію селеній: vicos in patrocinium suscipere [3]).

Соглашенія князей о заложившихся, зашедшихъ (задавшихся) селахъ обнаруживаютъ существенную черту закладничества удѣльнаго времени. Это закладничество было одновременно личнымъ и реальнымъ, поземельнымъ. Заложившіяся села—это сельчане, лица, заложившіяся вмѣстѣ со своей землей [4]). Словомъ „закладни" грамоты обозначаютъ

[1]) № 12 (1317), № 7 (1305), 8, 9. Ср. извѣстіе о задавшихся волосткахъ: «А учнутъ говорити о Пуповичахъ и иныхъ волосткахъ, что задавалися къ Лукамъ, и боярамъ молвити»... (1494). Сб. И. Ист. Об., т. 35, с. 141.

[2]) №№ 1 (1265), 6 (1305), 7, 20 (1471). «А кто будетъ купилъ села во всей волости новгородской, ...кто будетъ даромъ отъялъ, или сильно»: № 15 (1327) О селахъ, принимаемыхъ даромъ, говорятъ только новгородскія грамоты; въ другихъ находимъ лишь соглашенія: «селъ не купити, не держати»: № 97 и слѣд.; и «селъ не купити, закладней не держати»: № 27 (1362), № 29 и слѣд.

[3]) Cod. Theodos, XI, 24: Quicumque vicos in suum detecti fuerint patrocinium suscepisse, constitutas luent poenas. F. de Coulanges, Le bénéfice et le patronat, p. 102. Id. Flach, op. cit., t. I, p. 75.

[4]) Ср. терминъ «земля», которымъ обозначались какъ территорія, такъ и населеніе: Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, с. 12—13.

исключительно заложившихся лицъ [1]). Но лица, задаваясь за чужого князя, остаются жить на своей землѣ, во владѣніяхъ удѣла, не принадлежащаго ихъ патрону [2]). Закладничество лица, при такомъ условіи, должно было неизбѣжно влечь за собою и закладничество земли. Отдаваясь подъ покровительство чужого князя, закладникъ отдавалъ подъ его покровительство и свою землю; вмѣстѣ со своей поземельною собственностью онъ освобождался отъ подчиненія мѣстной власти. Такимъ же образомъ объясняется и „коммендація земли“ (terra in commendatione) существовавшая въ Англіи, въ эпоху книги страшнаго суда. „Тотъ, кто ищетъ покровительства, становится въ зависимость и тѣмъ самымъ приводитъ въ зависимость свое (земельное) имущество“ [3]).

16. Свободное развитіе такого, личнаго и одновременно реальнаго, междукняжескаго закладничества въ удѣльной Руси древнѣйшаго времени, до XIV вѣка обусловливалось отсутствіемъ той государственной территоріальной власти, которая составляетъ необходимый элементъ современнаго государства. Существованіе закладничества того же рода въ позднѣйшее время обнаруживаетъ слабость возникающей власти государства надъ территоріей,—устанавливаемой упорною борьбою князей со стариной и медленно усваиваемой общимъ сознаніемъ. Власть эта, обусловливающая государственную неотчуждаемость отдѣльныхъ участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ, создалась не сразу. Съ теченіемъ времени „начало суверенаго территоріальнаго господства одержало верхъ надъ частнымъ имущественнымъ правомъ“, начало политическое возобладало надъ частнымъ правомъ, но „въ этомъ случаѣ обошлось не безъ борьбы и признаніе правъ территоріальнаго господства было только результатомъ ея“ [4]). Весь ходъ этой борьбы

[1]) В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что слово закладень обозначало одинаково, «какъ землю, такъ и человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга» и въ подтвержденіе этого ссылается на соборную грамоту 1580 г., I, № 200 (Юр. Др. I, с. 269). При этомъ, однако, профессоръ самъ же указываетъ на ненадежность цитированнаго имъ текста: «а кто послѣ сего уложенья купитъ землю, или закладня учнетъ за собою держати»... Онъ допускаетъ, что это мѣсто невѣрно «передаетъ рукопись». Но если даже этотъ текстъ напечатанъ вѣрно, то, во всякомъ случаѣ слово закладень имѣетъ въ немъ необычный смыслъ. Древнѣйшій смыслъ этого слова временъ удѣловъ былъ уже невполнѣ ясенъ для 1580 года. Составитель соборной грамоты рядомъ съ другими, необычными для актовъ, архаичными формами воспользовался и словомъ закладень, обозначавшимъ явленіе, чуждое уже концу XVI вѣка, но придалъ ему особый смыслъ. Въ указѣ 1580 г., ноября 21, изданномъ на основаніи соборнаго приговора, 15 января, не было уже непонятнаго для современниковъ слова закладень; вмѣсто «земель не покупать и закладней не держати», въ немъ было сказано: «земель не покупать и въ закладѣ не держать»: см. правая 1625 г. Акты Ѳедотова-Чеховскаго, т. I, № 94, с. 284. Idem. А. Арх. Экс. т. I, № 308.

[2]) См. вышеприведенныя цитаты и другія соглашенія о недержаніи закладней въ чужихъ волостяхъ, удѣлахъ и вотчинахъ: №№ 20 (1471), № 27 (1362), 52 (1434), 88 и др

[3]) П. Виноградовъ, l. cit., стр. 212.

[4]) А. Пригары, Опытъ ист. сост. гор. обыват., 1868, с. 15.

совершенно ясенъ изъ междукняжескихъ договоровъ. Посредствомъ взаимныхъ соглашеній князья устанавливаютъ новыя начала территоріальной власти, невыхода частныхъ земель изъ государственнаго обладанія удѣльнаго владѣтеля; постоянныя нарушенія самими же договаривающимися сторонами этихъ новыхъ началъ свидѣтельствуютъ о жизненной силѣ стараго порядка.

Старый порядокъ государственныхъ отношеній прямо противорѣчилъ этимъ новымъ началамъ. Въ древнѣйшее время князь-государь владѣлъ территоріей, исключая часть ея, принадлежавшую ему на правѣ частной собственности, лишь въ силу подчиненія ему лицъ, частныхъ собственниковъ земли. Отношенія личныя преобладаютъ надъ отношеніями поземельными на Руси, до XIV вѣка, такъ же, какъ на Западѣ до XII вѣка. „Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ вовсе не было: вмѣсто государя и его подданныхъ, мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства“ [1]). Личныя отношенія не только преобладали, но и обусловливали отношенія поземельныя. Съ прекращеніемъ личной связи землевладѣльца съ княземъ оканчивалась и государственная власть князя на вотчину частнаго собственника. Древнее вотчинное право, въ его полномъ развитіи, исключало территоріальную власть князя-государя. И въ позднѣйшее время по жалованнымъ грамотамъ поземельный владѣлецъ пользовался „многими правами державной власти“ и былъ „въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ“ [2]); „частное владѣніе иногда вовсе освобождалось отъ всякаго вліянія княжеской власти и такимъ образомъ состояло на правахъ отдѣльнаго княжества“ [3]). Но „такими (жалованными) грамотами былъ только подтверждаемъ... тотъ порядокъ вещей, который въ древнѣйшія времена существовалъ самъ собою и по общему правилу“ [4]). „Надобно полагать,—замѣчаетъ Неволинъ,—что въ древнѣйшія времена права вотчинника были не тѣснѣе, а напротивъ, еще обширнѣе, чѣмъ они были во времена позднѣйшія. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась“ [5]).

---

[1]) Б. Чичеринъ, Опыты, с. 343.

[2]) Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 272, с. 149.

[3]) Чичеринъ, Опыты, с. 83.

[4]) Неволинъ говоритъ: «былъ подтверждаемъ, какъ исключеніе». Вѣрнѣе: «какъ общее правило»; см. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, с. 330.

[5]) Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 272. Жалованныя грамоты каролинговъ также только «sanctionnaient l'immunité acquise de longue date au Germain puissant ou au riche Gallo-romain». Въ нѣкоторыхъ формулахъ, «peu nombreuses, mais fort précieuses, l'immunité apparait comme un simple exercice du droit de propriété». Flach, t. I, p. 103.

Населеніе вотчины не знало князя-государя; для него государемъ былъ державный вотчинникъ. Оно не знало княжескихъ намѣстниковъ и волостелей, такъ такъ какъ вотчина у насъ, и на западѣ, была ограждена ab introitu judicum; оно встрѣчалось съ властью князя только на смѣсныхъ судахъ, на которыхъ, однако, вотчинникъ судилъ людей вмѣстѣ съ княжескими волостелями и тіунами, какъ равноправный представитель власти. Естественно, что такая вотчина могла считаться принадлежностью удѣла лишь до тѣхъ поръ, пока ея владѣлецъ служилъ князю удѣла. При переходѣ вотчинника на службу къ другому князю порывалась единственная связь его земли съ удѣломъ его прежняго князя; вотчина вмѣстѣ съ ея владѣльцемъ переходила на службу къ другому князю. Древнѣйшій землевладѣлецъ былъ не только вольнымъ слугой, но и вольнымъ вотчинникомъ. Древнѣйшій землевладѣлецъ вообще былъ по отношенію къ землѣ и князю-государю тѣмъ же, чѣмъ были позднѣйшіе служилые князья, которые лишь силою вынуждены были отказаться отъ своего права перехода вмѣстѣ со своими вольными вотчинными княжествами. Въ XV вѣкѣ великіе князья старались закрѣпить земли служебныхъ князей за собой путемъ взаимныхъ обязательствъ не принимать съ отчинами чужихъ служебныхъ князей и путемъ конфискаціи вотчинъ въ случаѣ отъѣзда этихъ князей (№ 43, 1428, № 24). По отношенію къ боярамъ великіе князья первоначально не рѣшались прибѣгнуть къ этому дѣйствительному средству, для утвержденія своей территоріальной власти надъ частно-владѣльческими землями. Одинъ только могущественный Новгородъ рѣшился постановить въ 1368 г., что, въ случаѣ отъѣзда новгородскихъ бояръ на службу къ тверскому князю, ихъ „села. земли и воды“ будетъ вѣдать Великій Новгородъ, „а ты бояромъ и слугамъ ненадобѣ“ (№ 28). Борьба съ правомъ боярскаго отъѣзда вмѣстѣ съ вотчинами велась инымъ путемъ. Князья отдѣлили личную службу бояръ отъ ихъ государственныхъ обязанностей по отношенію къ мѣстной власти. Съ конца XIV вѣка (1362) они существеннымъ образомъ ограничили древнее право отъѣзда; сохраняя за боярами свободу личной службы, они старались закрѣпить за удѣлами вольныя вотчины бояръ и взаимно обязывались, принимая на службу чужого слугу, не вступаться въ его вотчину, находящуюся въ чужомъ удѣлѣ. Бояринъ воленъ служить кому хочетъ, но, въ качествѣ вотчинника, онъ долженъ подчиняться мѣстной власти; онъ платитъ дань не тому князю, которому служитъ, но владѣльцу того удѣла, въ которомъ живетъ, въ которомъ владѣетъ землею. „Бояромъ и слугамъ вольнымъ воля“, но „судомъ и данью“ всѣ обязаны „потянути по землѣ и по водѣ“

(№ 28, 1368) [1]). Эти соглашенія, естественно, не могли уничтожить сразу древняго обычнаго права бояръ на вольный переходъ съ вотчинами; нарушая договоры, князья „принимали съ отчинами“ чужихъ слугъ [2]). Насколько живучъ былъ старый обычай, о томъ свидѣтельствуетъ духовная вел. кн. Ивана Васильевича 1504 г.: „а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ ярославскимъ,—сказано въ ней,—съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣхати никому никуда“ (№ 144).

Переходамъ бояръ и слугъ соотвѣтствуетъ закладничество другихъ землевладѣльцевъ. Вольные слуги, бояре переходятъ отъ одного князя къ другому вмѣстѣ со своими вольными вотчинами,—другіе своеземцы, смерды и купцины вмѣстѣ со своей землей заходятъ или закладываются за другого князя или его слугу. И тѣ, и другіе не мѣняютъ существа своихъ отношеній къ государственной власти; служба первыхъ остается по преимуществу военной, служба вторыхъ—по преимуществу тяглой, податною. Въ явленіяхъ этого рода обнаруживается важный принципъ древнѣйшаго вотчиннаго права. Право собственности лицъ на землю было полнымъ обладаніемъ, не ограниченнымъ еще принадлежностью земли государству. Право распоряженія, принадлежащее частному собственнику, имѣло силу не только въ сферѣ частно-правовыхъ отношеній, но и въ области права публичнаго. Крупные и мелкіе вотчинники сохраняли за собою право не только перейти на службу къ другому князю, но и отдать въ его обладаніе свои земли.

Владѣнія княжествъ долгое время не составляли непрерывныхъ территорій, опредѣленныхъ извѣстными твердыми границами. Постоянные раздѣлы земли между князьями-наслѣдниками порождали крайнюю черезполосицу владѣній. Внутри удѣла постоянно существовали и легко образовывались вновь участки земли экстерриторіальной, неподвластной государю удѣла; эти внѣ-земельные оазисы управлялись не агентами мѣстной правительственной власти, но „приставами и даньщиками, вслаемыми въ удѣлъ“ чужими князьями. Частныя земельныя владѣнія дѣлались экстерриторіальными вслѣдствіе отъѣздовъ бояръ и закладничества своеземцевъ. Земля точно также ускользала отъ мѣстной госу-

---

[1]) «А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ»: № 76 (1451), № 88 (1462), № 119, 120 (1484). Другіе договоры упоминаютъ только объ обязанности бояръ платить дань по мѣсту жительства: №№ 27, 29, 35 (1362, 1371, 1389) и №№ 45, 71, 78 (1433, 1448, 1451). Въ остальныхъ договорахъ говорится только, что князья обязаны чужихъ бояръ, живущихъ въ ихъ удѣлахъ, «блюсти какъ и своихъ».

[2]) Сб. И. Ист. Об., т. 35, с. 48, цитир. В. И. Сергѣевичемъ, Юр. Др., I, 317.

дарственной власти и тогда, когда она переходила въ частную собственность другого, сосѣдняго князя или его слуги. Когда государственная зависимость земли опредѣлялась личною зависимостью ея частнаго собственника, села, купленныя княземъ другого удѣла, или его слугой, лично независимыми отъ мѣстнаго князя, выходили изъ-подъ вѣдомства власти этого князя. Поэтому-то одновременно съ борьбой противъ закладничества и перехода боярскихъ вотчинъ, договоры ведутъ энергичную борьбу противъ покупокъ князьями и ихъ боярами земель въ чужихъ удѣлахъ.

Борьба съ экстерриторіальностью частныхъ владѣній въ удѣлѣ начинается въ XIII ст. и продолжается до XVI-го. Первоначально это есть борьба съ господствующимъ обычнымъ правовъ, позднѣе—съ его переживаніемъ, съ нарушеніями новаго права, создаваемаго взаимными обязательствами князей. Новые принципы, отрицающіе право земельнаго собственника на перемѣну государя, закрѣпляющіе землю за государствомъ, создающіе государственную территоріальную власть, не скоро находятъ себѣ общее признаніе. Въ ихъ постоянныхъ нарушеніяхъ сказывается сила древняго обычая.

17. Борьба князей съ закладничествомъ находится въ тѣсной связи съ общей борьбою противъ экстерриторіальности частныхъ владѣній. Первый, въ XIII ст., начинаетъ эту борьбу Великій Новгородъ, ревниво оберегавшій свою самостоятельность отъ притязаній сосѣднихъ тверскихъ князей. Въ 1265 г. вел. кн. тверской, Ярославъ Ярославичъ обязался предъ Новгородомъ не принимать впредь закладниковъ въ новгородскихъ волостяхъ, обязался за себя, свою княгиню, бояръ и дворянъ [1]). Особое соглашеніе о лицахъ, ранѣе заложившихся за тверского князя, включено было впервые въ третью договорную грамоту того же князя съ Новгородомъ, 1270 года. Въ этомъ году вел. кн. Ярославъ, условившись съ Новгородомъ о непринятіи впредь новгородскихъ закладниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обязался отпустить прочь всѣхъ своихъ, княгининыхъ и боярскихъ закладней, жившихъ за ними, подъ ихъ властью, въ новгородскомъ Торжкѣ [2]). Въ оправданіе этихъ соглашеній, вносившихся въ грамоты по иниціативѣ новгородцевъ, Новгородъ ссылался на свою старину: „тако пошло въ Новѣгородѣ“; изъ этого видно,

---

[1]) «А изъ Бежиць, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины». № 1.

[2]) «А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свой погостъ; тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ проць». № 3.

что борьба съ закладничествомъ началась въ Новгородѣ еще раньше этихъ договоровъ 1265—1270 гг., но что для другихъ княжествъ такое отрицаніе закладничества было еще новостью. Обязательство, данное кн. Ярославомъ въ 1270 г. объ отпускѣ торжковскихъ закладниковъ, повидимому, исполнено не было. Какъ видно изъ позднѣйшихъ договоровъ, тверской князь сохранилъ надъ ними свою власть и они перешли по наслѣдству въ обладаніе его сына, Михаила. Вел. кн. Михаилъ Ярославичъ обязался, въ 1295 г., отпустить только тѣхъ закладней, которые подчинились ему лично, и сохранилъ по договору съ Новгородомъ, свою власть надъ „давними людьми (въ Торжкѣ и Волоцкѣ), которые позоровали къ Твери при Александрѣ и при Ярославѣ“ [1]). Въ послѣдующихъ договорахъ, однако, мы не находимъ уже этого, льготнаго для тверского князя, соглашенія о давнихъ закладняхъ въ пограничныхъ волостяхъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ указаннаго соглашенія, тотъ же тверской князь Михаилъ Ярославичъ, заключая новый договоръ съ Новгородомъ (1305 г.), долженъ былъ согласиться отпустить всѣхъ новгородцевъ, „въ Торжку или индѣ“, заложившихся за него, его княгиню, или мужей (№ 7, id. № 8, 9).

Особенно строгое соглашеніе о закладникахъ включено было въ договоръ Новгорода съ Тверью, 1307 г. Новгородъ вообще не останавливался предъ чрезвычайными мѣрами въ защиту своей территоріи; такъ, нѣсколько позднѣе, какъ упомянуто выше, онъ рѣшился на исключительное мѣропріятіе, конфискацію вотчинъ у отъѣзжавшихъ бояръ. Та же мѣра принята была въ 1307 г. по отношенію къ закладнямъ. Новоторжцамъ, отнявшимся отъ Новгорода подъ власть тверского князя, предложено было „идти съ Торжку, куда имъ годно“, покинувъ ихъ „новоторзскія земли“ (№ 10).

Въ позднѣйшихъ новгородскихъ грамотахъ не встрѣчается другихъ соглашеній о закладничествѣ, кромѣ стереотипной статьи: „закладниковъ не приимати“. Въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными постоянно употребляется иная формула: „закладней не держати“ [2]). Соглашеніе о недержаніи закладней въ чужихъ владѣніяхъ внесено, за немногими исключеніями [3]), почти во всѣ княжескіе договоры, начиная съ 1362 г. по 1531 г. Оно находится и въ записяхъ кн. Владиміра Андреевича (Іоанну Грозному) 1553 и 1554 г., въ которыя внесенъ

---

[1]) № 4, 1295. См. цитату въ текстѣ выше, § 14.

[2]) Въ договорахъ съ Новгородомъ 1456 и 1471 гг. сказано: «закладней не держати, не приимати». А. Арх. Эксп., т. I, № 57. С. Г. Г. и Д., т. I, № 20.

[3]) См. ниже.

былъ съ нѣкоторыми измѣненіями обычный, древній текстъ договорныхъ грамотъ.

18. Во многихъ договорахъ статьи, направленныя противъ закладничества, слѣдуютъ непосредственно послѣ соглашеній о невсыланіи въ чужой удѣлъ даньщиковъ и приставовъ: „а въ твой ми удѣлъ даньщиковъ своихъ, ни приставовъ не всылати, тако же и тобѣ во все мое великое княженіе, ни грамотъ (жаловальныхъ) не давати, ни закладней не держати“ [1]). Сопоставленіе этихъ статей не было случайнымъ; онѣ постоянно ставились рядомъ не въ одной только, но въ нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ договорныхъ грамотъ и имѣютъ между собой тѣсную логическую связь. Связь эта совершенно ясна. Закладники, отдаваясь въ подданство чужому князю, подчинялись не мѣстной правительственной власти, но даньщикамъ и приставамъ того князя, за котораго они заложились. Поэтому статья, запрещающая въѣздъ въ чужой удѣлъ даньщикамъ и приставамъ другого князя, преслѣдуетъ ту же самую цѣль, что и статья, воспрещающая держаніе закладней въ чужомъ удѣлѣ, а именно охрану территоріи удѣла. Соглашеніе, объявлявшее территорію княжества недоступной для правительственныхъ агентовъ сосѣднихъ князей, лишало ихъ возможности осуществленія своей власти въ чужомъ удѣлѣ и тѣмъ самымъ уничтожало въ корнѣ закладничество.

Рядомъ съ обязательствомъ о недержаніи закладней ставится въ договорахъ обязательство не давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ. Обязательства эти также имѣютъ тѣсную связь одно съ другимъ. Отдаваясь въ подданство чужому князю, закладники выговаривали себѣ извѣстныя льготы и привилегіи, которыя обезпечивались имъ жалованными грамотами. Статья о такихъ грамотахъ, очевидно, направлена противъ закладничества. Обязуясь не давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ, князья обязуются тѣмъ самымъ не привлекать въ свою власть чужихъ подданныхъ путемъ различныхъ пожалованій.

Съ обязательствами о закладняхъ, жалованныхъ грамотахъ, даньщикахъ и приставахъ тѣсно соединяется во многихъ договорахъ соглашеніе о непокупкѣ князьями и боярами селъ въ чужихъ удѣлахъ: „А въ твой ми удѣлъ и въ отчину даньщиковъ своихъ не всылати, ни приставовъ не давати, ни селъ не купити, ни нашимъ бояромъ безъ твоего вѣданья, ни закладней, ни оброчниковъ не держати, ни грамотъ ны не давати“ (№ 35, 1389). Соединеніе этихъ статей показываетъ, что

[1]) № 33 (1388), № 29 (1371).

онѣ имѣли одинаковый смыслъ, преслѣдовали одну и ту же цѣль. Освоеніе князьями и ихъ боярами земель чужого удѣла въ частную собственность выводило эти земли изъ-подъ вѣдомства власти мѣстнаго князя. Соглашеніе о непокупкѣ селъ, одинаково съ соглашеніемъ о недержаніи закладней, направлено къ сохраненію территоріи за княземъ удѣла, оно предотвращаетъ образованіе, въ предѣлахъ княжества, новыхъ экстерриторіальныхъ владѣній.

Указанный общій смыслъ соглашеній о закладняхъ и другихъ, тѣсно связанныхъ съ ними, ясно выраженъ въ нѣкоторыхъ договорахъ особой статьей: въ чужой удѣлъ не вступатися никоторыми дѣлы, т.-е. не присваивать правъ на территорію и населеніе, принадлежащихъ владѣльцу княжества. Соглашенія о закладняхъ, приставахъ и жалованныхъ грамотахъ приводятся прямо въ видѣ конкретнаго поясненія указаннаго общаго соглашенія. Такъ, кн. Владиміръ Андреевичъ завѣщаетъ своимъ сыновьямъ: „Дѣти мои въ материнъ удѣлъ и въ села не вступаются никоторыми дѣлы, и въ Медькино село съ деревнями, и въ Дьяково село съ деревнями: ни приставовъ своихъ не всылаютъ, ни судовъ имъ не судити, ни закладней не держати, ни грамотъ имъ жаловальныхъ не давати“ (№ 40, 1410). Въ томъ же самомъ, знаменательномъ порядкѣ слѣдуютъ указанныя соглашенія въ позднѣйшей редакціи договоровъ (1473—1504): „Въ тотъ мой удѣлъ тобѣ, моему господину, великому князю не вступатися подо мною, и твоему сыну, князю Ивану, ни вашимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми, и блюсти, а не обидѣти: ни приставовъ въ мою отчину, ни грамотъ жалованныхъ не давати, ни земель вамъ не купити, ни закладней не держати“ [1]). Этими обязательствами устанавливается территоріальная власть князя, удѣлъ, въ качествѣ опредѣленной территоріи, объявляется недоступнымъ для власти сосѣдняго князя, отрицается власть князей надъ закладниками, основанная на личныхъ связяхъ. Это новое начало государственнаго права, въ иной, положительной формѣ, выражено въ цитированной выше духовной грамотѣ такъ: „судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ“; оно было формулировано впервые въ концѣ XIV вѣка: „а судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ (1368) [2]). Въ основу государственной власти князя кладется не личная

[1]) № 97—98 (1473). Та же редакція: № 99—100 (dpl. № 101—102), № 106—107 (1481), (dpl. № 108—109), № 110—111 (1481), № 123—124 и 125—126 (1486), № 133—134 (1504), № 167 (1553).

[2]) № 28. Та же формула въ № 76 (1451) и въ позднѣйшихъ договорахъ тожественной редакціи: № 88 (1462), № 119—120 (1484). Ср. № 90—91 (1462), № 97 (1473), № 106—107 (1481).

служба, не личное подчиненіе подданныхъ, но обладаніе территоріей; обладаніе землей, удѣломъ, обусловливаетъ власть надъ населеніемъ; принадлежность лица опредѣляется принадлежностью земли. Древній обычай закладничества, отрицавшій мѣстную, княжескую власть, признается нарушеніемъ новыхъ началъ государственнаго права.

20. Вопреки этимъ новымъ началамъ, вопреки договорамъ, междуудѣльное закладничество, въ древнѣйшей формѣ, личное и реальное вмѣстѣ, существуетъ до XVI вѣка. Оно существовало до тѣхъ поръ, пока не было устранено главное условіе его жизнеспособности, черезполосность княжескихъ владѣній. Если бы древній удѣлъ былъ непрерывною площадью, строго отграниченной отъ сосѣднихъ княжествъ, то князьямъ трудно было бы осуществлять свою узурпаторскую власть надъ лицами и землями въ чужомъ удѣлѣ, и закладничество скоро бы уничтожилось съ развитіемъ территоріальной власти князей. Между тѣмъ удѣлъ до XVI в., въ большинствѣ случаевъ, представлялъ изъ себя совокупность черезполосныхъ разбросанныхъ владѣній. Князья сами, постоянными раздѣлами, поддерживали черезполосность владѣній, наслѣдіе старины, когда принадлежность владѣній опредѣлялась подданствомъ лица, ея частнаго собственника. Великій князь Василій Васильевичъ выдѣлилъ своей женѣ волости и села въ предѣлахъ владѣній (въ удѣлахъ) своихъ сыновей и завѣщалъ: „тѣ волости и села данью и судомъ потягнутъ къ моей княгинѣ, а дѣти мои въ то не вступаются“ (№ 86, 1462); давши волость Плѣснь Можайскому князю (Михаилу Андреевичу) онъ оставилъ себѣ Плѣсенское село и деревни этого села [1]). Въ 1504 г. вел. князь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ младшему сыну своему Юрію Дмитровъ и Кашинъ, опредѣлилъ границу его владѣній, но при этомъ, борясь со стариной, обстоятельно и очень неловко разъяснялъ значеніе этой границы [2]), и тутъ же самъ нарушилъ новое начало, нарушилъ территоріальный рубежъ, опредѣливъ, что часть населенія въ удѣлѣ кн. Юрія (численныя земли и ордынскія) будетъ подвластна не ему, но старшему кн. Василію: „Тѣмъ численымъ людемъ и ординцомъ тянути по старинѣ всякое тягло съ числяки и съ ординцы къ сыну моему къ Василью, а сыну моему Юрью въ численыя земли и въ Ординскія не въступатися ничѣмъ“ (№ 138).

---

[1]) № 90 (1463), с. 216. Другіе примѣры см. у Чичерина, Опыты, с. 308, 309.

[2]) «А которыя села и деревни монастырьскія и боярскія по сему списку изъ Переславскихъ становъ и изъ волостей перешли въ Дмитровскіе и въ Кашинскіе станы и волости, и тѣмъ монастырямъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ тѣ свои земли вѣдати по старинѣ, а данью и судомъ тѣмъ землямъ тянути къ Дмитрову и къ Кашину и къ волостямъ Дмитровскимъ и къ Кашинскимъ, кудѣ которая земля перешла» и пр. № 138, с. 367.

Благодаря соглашеніямъ такого рода, рубежъ не былъ неприкосновеннымъ для властей сосѣдняго княжества; территорія удѣла была легко доступной для приставовъ и даньщиковъ сосѣдняго князя. Нарушая рубежъ, въѣзжая въ удѣлъ кн. Юрія для управленія численными и ордынскими землями, принадлежавшими кн. Василію, его волостели легко могли осуществлять свою власть и по отношенію къ подданнымъ мѣстнаго князя Юрія, искавшимъ у нихъ защиты, закладывавшимся за ихъ господина, кн. Василія. По договорнымъ грамотамъ можно замѣтить, что закладничество вообще развивалось тамъ, гдѣ власть чужого князя была близка и легко осуществима. Въ договорахъ Новгорода съ Тверью рѣчь идетъ преимущественно о закладняхъ въ пограничныхъ областяхъ, Торжкѣ и Волоцкѣ, которыя были доступнѣе для управы волостелей сосѣдняго тверского князя. Напротивъ, гдѣ владѣнія князей не перекрещивались, были удалены одно отъ другого, или же раздѣлены естественной границей, тамъ не было мѣста закладничеству. Жителямъ рязанскаго княжества, отдѣленнаго отъ Москвы ясной границей, р. Окой, трудно было разсчитывать на скорую защиту московскихъ волостелей, и не было, такимъ образомъ, основаній для закладничества за московскаго князя. Въ договорѣ кн. Дмитрія Іоанновича съ Олегомъ Рязанскимъ, установившемъ между ихъ владѣніями „раздѣлъ по р. Оку“, мы не находимъ обычныхъ обязательствъ не держать закладней, не покупать селъ, не всылать приставовъ въ чужой удѣлъ [1]).

21. Договоры князей сохранили для насъ извѣстія лишь о междуудѣльномъ закладничествѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ междуудѣльнымъ, междукняжескимъ—существовало въ древнее время и закладничество внутреннее, ограниченное предѣлами извѣстнаго княжества. Если лица могли закладываться за боярина чужого удѣла, то еще легче они могли отдаваться подъ защиту какого либо силь-

---

[1]) № 32, 1381. Тоже въ договорѣ кн. Рязанскаго съ кн. Юріемъ Галицкимъ: № 47, 1433 и въ договорѣ князей Московскаго (Василія Васильевича) и Можайскаго съ княземъ Рязанскимъ: № 65, 1447.—Въ нѣкоторыхъ договорахъ первой половины XV в., особой краткой редакціи, находимъ обычное соглашеніе: «въ чужой удѣлъ не вступаться, блюсти, а не обидѣти»; но въ нихъ нѣтъ вытекавшихъ изъ этого соглашенія постановленій о закладняхъ, селахъ, и приставахъ; эти постановленія, повидимому, сами собой подразумѣваются и выпущены лишь для сокращенія текста грамотъ: № 37, 1405, № 46, 1433, №№ 47, 49, 61 (1445).—Въ нѣкоторыхъ договорахъ интересующія насъ соглашенія пропущены, повидимому, случайно: ср. двѣ договорныя грамоты в. кн. Василія Васильевича съ Михаиломъ Андреевичемъ и съ Иваномъ Андреевичемъ, кн. Можайскими: 1447 г.: №№ 64 и 66 (id. № 69, 1448).—Соглашеніе о закладняхъ и пр. пропущены также въ договорахъ исключительно политическихъ; какъ въ № 67, 1448. Ихъ нѣтъ, кромѣ того, въ грамотахъ №№ 60 и 62 (1440) и №№ 52—59.

наго землевладѣльца того же самаго княжества, въ которомъ они жили [1]).

Разсмотрѣнный мною въ этой главѣ, древнѣйшій видъ закладничества личнаго и поземельнаго вмѣстѣ, коммендація лица съ землей, исчезаетъ въ XVI вѣкѣ. Междуудѣльное закладничество этого рода уничтожено было объединеніемъ Руси. Въ предѣлахъ одного княжества, московскаго государства, оно исчезло постепенно, съ установленіемъ строгаго правительственнаго контроля надъ правами лицъ на поземельную собственность. Этотъ контроль осуществлялся частыми переписями XV—XVI ст. Право лица на землю признавалось лишь въ томъ случаѣ, если оно было закрѣплено письменными актами, купчими, данными, раздѣльными грамотами. Принадлежность земли не могла уже болѣе опредѣляться, какъ въ древнѣйшее время, принадлежностью лица. Закладничество лица не могло уже болѣе влечь за собою перехода земли подъ власть патрона.

Съ середины XVI вѣка акты говорятъ объ иномъ видѣ закладничества, о патронатѣ исключительно личномъ. Этотъ видъ закладничества-патроната не былъ связанъ съ коммендаціей земельной собственности задавшагося человѣка, но какъ выяснено выше, въ первой главѣ, былъ обусловленъ поселеніемъ кліента - закладчика на землѣ патрона.

Н. Павловъ-Сильванскій.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

[1]) Къ такому закладничеству относятся, какъ кажется, обязательства лицъ, получавшихъ землю во временное владѣніе: «не окняжить, не обоярить» этой земли и «не отдати никому»: А. Арх. Эксп., т. I, № 74, III, VI. А. отн. до Юр. Б., т. I, № 118, II, VIII—X.